

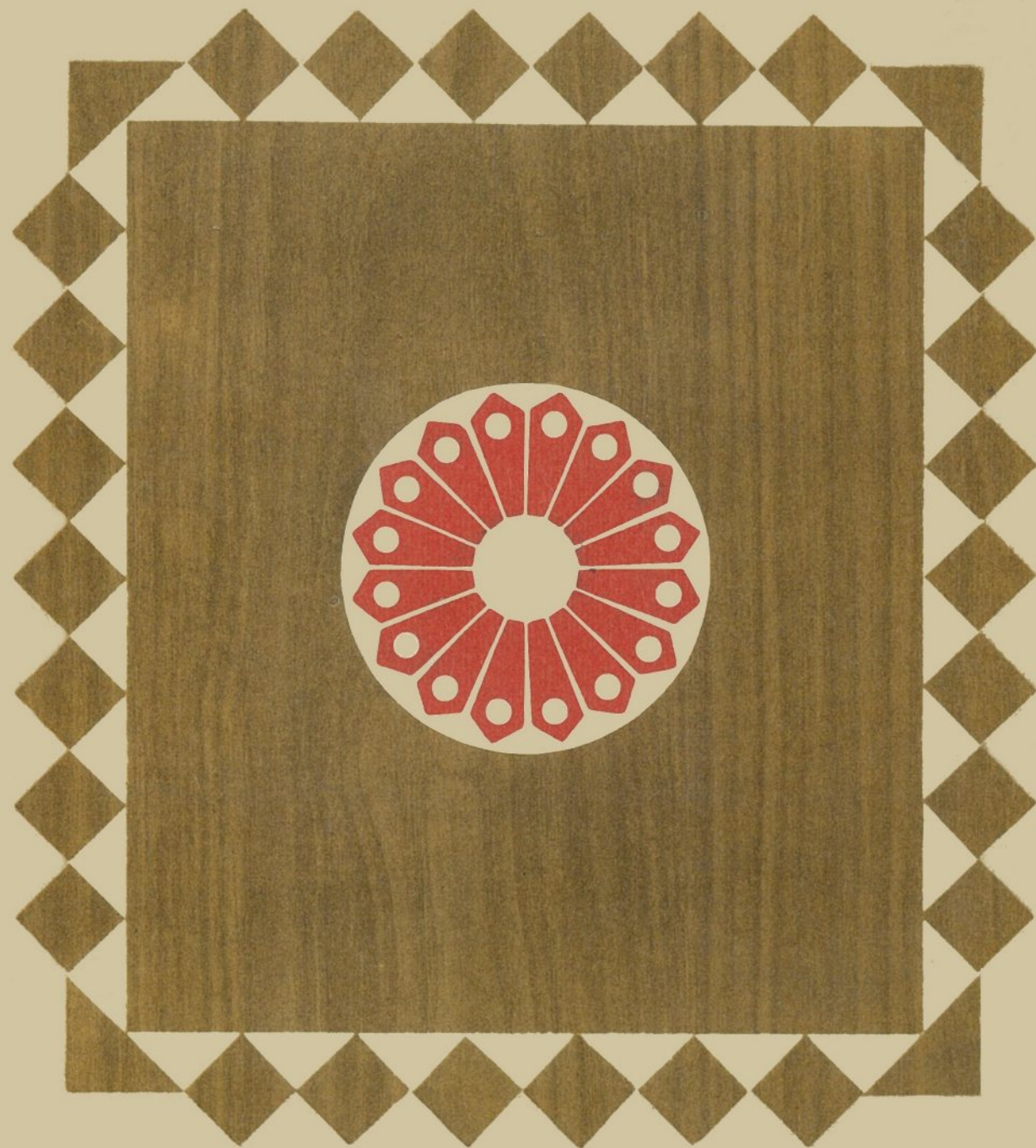
В

емчужины
игулей

90 коп.

ЖЕНУЖИНЫ
ИГУЛЕЙ

ЛЕГЕНДЫ,
СКАЗЫ,
ПРЕДАНИЯ

Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно;
не уважать оной постыдно для малодушие.

А. С. Пушкин

Издание третье,
дополненное

*

Составитель
Степан Кузменко
Художник
Игорь Дубровин

САМОЦВЕТНОЕ СЛОВО

Жигули издавна называли гнездом свободы, краем легенд. Со всей России сюда, как родники в Волгу, стекались люди непокорные, отчаянно смелые. Седые Жигули были колыбелью волнующих и грозных событий. Здесь, в горном гнездовье русской вольницы, вызревали гроздя народного гнева, рождались замыслы, потрясавшие бар и царей.

Обо всем этом повествуют не только летописи и труды историков, но и легенды, сказы, предания, песни, сложенные гениальным словотворцем — народом. Он сам творил свою историю и сам о ней рассказывал. Не случайно песни и легенды, рожденные на Волге, душой своей глубокой, теплотой сердечной, всем своим поэтическим содержанием обнимают всю Россию с ее муками и скорбями, с ее чаяниями и надеждами.

В устном народном творчестве глубина чувства и свежесть мысли слиты воедино с покоряющей красотой самоцветного слова. Вчитайтесь в творения народной поэзии — они раздольны и широки, как сама Волга, богаты и величавы, как русская душа. С какой силой, с каким душевным проникновением воспел народ своих героев — и сказочных, и реально существовавших! Потому что в них воплощены лучшие черты русского характера, потому что с их именами и подвигами подневольные связывали не только свои сокровенные надежды, но и будущее родной страны.

Создания народной поэзии — наши национальные сокровища. Сложенные в давние века, они обладают поразительной, поистине волшебной силой воздействия на умы и сердца. Они и сегодня способны не только обогащать наши представления об истории народа, но и радовать, и волновать, и воспитывать. Это неиссякаемые родники художественного слова, это корни нашей культуры.

Жемчуга достают со дна моря, самобытное слово — из глубин народной жизни. Среди собирателей жигулевских легенд, сказов, преданий и песен известны имена многих писателей и ученых. С усердием, достойным самых высоких похвал, потрудились на этой ниве Д. Н. Садовников, заслуженно названный певцом Волги, А. А. Коринфский, создавший книгу «Картины Поволжья», Н. А. Степной, автор «Сказок Волги», В. Г. Варенцов, собравший песни Самарского края...

По-разному подходили к делу искатели самоцветного слова. Одни ограничивались тем, что записывали рассказы неизвестных сказителей, этих ведунов народной жизни. Другие по мотивам фольклора создавали песни и поэмы. Сочетание устного народного творче-

ства с профессиональным мастерством нередко рождало настоящие литературные шедевры. Всем известны песни «Утес Стеньки Разина» и «Свадьба» («Из-за острова на стрежень»). О них говорят не иначе как о народных. И это лучшая из похвал поэтам А. Навроцкому и Д. Садовникову, которые написали песни.

С грустью и сожалением приходится сказать, что легенды и предания, в которых воспеты Жигули, неповторимая красота их природы, богатая событиями история, мало, до обидного мало известны современному читателю. Матери не рассказывают их детям, как обычно рассказывают народные сказки. Не услышишь их в школе, на уроке литературы. Нет их в сборниках для чтения. Лишь несколько легенд, переплавленных в песни, широко известны и часто исполняются в народе. Остальные же покрылись или покрываются пылью забвения. Сколько удивительно ярких легенд и преданий превратились в достояние архивов и музеев...

Настоящим изданием предпринята попытка собрать в одну книгу хоть малую часть легенд, сказов и преданий о Жигулях. Рядом с устными народными творениями, с поэмами и сказами старых мастеров, писавших по мотивам фольклора, в сборнике «Жемчужины Жигулей» представлены и произведения современных писателей. Их привлекли темы далекой и близкой нашему сердцу истории родного края. Что же касается сюжетов, то они почерпнуты из того же источника — из устного творчества народа.

Большинство легенд, сказов, преданий, песен, напечатанных в книге, относятся непосредственно к Жигулям. Здесь они родились, в них воспеты события, связанные с этими легендарными местами. Исключе-

ние составляют лишь немногие произведения. Упомянутая выше песня А. Навроцкого повествует об утесе Стеньки Разина, который расположен южнее Жигулевских гор. Но вот что при этом удивительно: народная молва гласит, что и утес Стеньки Разина находится здесь, в Жигулях. Недаром же некоторые авторы Молодецкий курган — одну из наиболее высоких вершин Жигулевской гряды — именуют утесом Стеньки Разина.

Не годы, а века прошли с тех пор, как слагались многие из легенд и преданий. Наш просвещенный читатель сам поймет и объяснит происхождение таких мотивов, которые сегодня, как говорят, режут ухо. Речь идет о религиозных, мистических веяниях, проникших в некоторые предания и сказы. Кое-где дают себя знать давно и с полным основанием отвергнутые попытки представить волжскую вольницу как проявление «разбойного разгула». Теперь нет надобности опровергать подобного рода измышления. У волжской вольницы, слившейся в единый поток со знаменитыми в русской истории крестьянскими войнами, — глубокие социальные корни. Само по себе это движение народных масс явилось активным революционным протестом угнетенных против угнетателей. Верно поется об этом в русской народной песне:

Знать, в старинный тот век жизнь не радость была,
Что бежал человек из родного села.
Покидал отчий дом, расставался с женой
И за Волгой искал только воли одной...

Да, были на то причины, чтоб события, происходившие «в старинный тот век», глубоко запали в память, в душу народа. И совсем не случайно те восстания, их вожди и сподвижники с такою теплотой

и проникновением воспеты в песнях и легендах. Наш великий поэт А. С. Пушкин, проявлявший огромный интерес к народным восстаниям и к народному творчеству, назвал Степана Разина «поэтическим лицом русской истории».

В книгу «Жемчужины Жигулей» вошли произведения о давних, дореволюционных временах. В народе сложено немало песен, легенд и преданий о грозных и лучезарных днях революции, о великих свершениях на Волге в наше, советское время. И эти жемчужины народного творчества ждут любовного изучения, собирания и публикации...

Люди умирают, а песни, сложенные ими, живут в веках. Предания и легенды, созданные народом, бессмертны, как сам народ. В них — память сердца, в них — завет грядущим поколениям.

Степан Кузменко

ЛЕГЕНДА О КАМЕННОМ МОЛДЦЕ

аветные
места

Ах вы, ветры, ветры буйные,
Ветры буйные, залетные,
Принесите вы мне весточку
От родной моей сторонушки!
Там так ярко солнце красное,
Там свежи луга зеленые,
Там родная Волга-матушка,
Там звучна так песнь разгульная!

«Тоска по Отчизне»
А. Тимофеев.

КАМЕННЫЙ МОЛОДЕЦ

Легенда

Своенравна, как все красавицы, горда и вольнолюбива Волга.

Всем, казалось бы, взял Молодец. И ростом не обижен — зеленой шапкой до самого неба дотянулся. И силушкой не обойден — сколько бурь ни проносилось над ним, выстоял, сколько молний ни обжигало его каменную грудь, все окалиной к ногам ссыпались. А уж о верности и говорить нечего — от зари до зари готов был глядеться Молодец в светлые очи Волги.

Но не люб он был красавице. Уж больно молчалив: веками словечка не обронит. Да и на подъем тяжел: столетьями стоит, не шелохнется.

То ли дело — седовласый Каспий! И мудр, и велеречив, и нравом не по возрасту пылок. Лишь ветром жарким пахнет на него пустыня, тотчас заколышется, забурлит, разгуляется — ни одному молодцу с ним тогда не потягаться. Седыми космами по тучам хлестнет — и на сотни верст содрогаются берега от гула, грохота и клокотания.

Плывут ли над Волгой пушистые облака, звезды ль в бездонье ее вод смотрятся — все грезит красавица о встрече с могучим Каспием.

И решилась однажды Волга: кинулась навстречу Каспию через леса и долины. Увидел это могучий Молодец и, объятый ревнивой яростью, двинулся наперерез красавице с верной своею дружиной. Тяжко пришлось Молодцу, за века крепко прирос он к месту. Шаг ступит — скалы с плеч рушатся, еще раз переступит — земля окрест трещинами идет, холмами выборетсяя.

И все же успел детинушка: преградил он дорогу Волге каменной своей грудью. Разбурлилась, вспенилась Волга, но видит — не пробиться ей силушкой, не вырваться из полона. Приласкалась тогда обманщица к великану, речами, сладко журчащими, усыпила его со дружиною и кошачьей неслышной поступью, круто обогнув спящих, убежала-таки к далекому Каспию.

...Много веков минуло с той поры. Обратился в Молодецкий курган крепко уснувший Молодец, лесом поросла его счарованная дружина. Вечен сон их, навеянный немолчным журчанием Волги.

Так вот и появились на свет Жигули...

СОКОЛ И ЖИГУЛЬ

Легенда

Жили два брата: Сокол и Жигуль. Никогда они не разлучались.

У Сокола была сторожевая собака. Она охраняла покой братьев. Сокол строго-настрого приказал, чтобы собака зорко караул несла, отгоняла прочь зверей и птиц и лихих людей. Но еще строже наказывал Сокол, чтобы верная его собака не подпускала близко Волгу.

О, Волга жадна, своевольна! Хочется ей вырвать-

ся на простор и прямым, самым коротким путем бежать к морю. Она хитра, чего доброго, может разъединить братьев.

Давно уже между ними шла борьба. Волга заигрывала с братьями и все ближе, ближе подбиралась к ним. Часто посылала на разведку своих слуг — волны. Подкрадывались они, щупали и лизали бока братьев.

Сторожевая собака выбегала вперед и звонко лаяла — будила Сокола и его брата Жигуля.

Братья просыпались и гнали от себя волны. Возвращались они обратно. И Волга снова задумывалась, как ей подобраться к неразлучным братьям.

Узнала она, что Сокол любит красавиц. Для него было великой радостью, когда они поднимались на его крутые плечи и могучую грудь. Красавицы срывали желтые цветы, которые в их руках тут же превращались в алые. Сокол был горд тем, что обладал волшебством давать цветам, росшим на его плечах, любые краски и запахи. И если собака начинала вдруг лаять на красавиц, он бил ее, чтоб не лаяла на кого не следует.

Узнала все это Волга. Нарядилась красавицей, какой ни Сокол, ни Жигуль отродясь не видели. И подошла к братьям. Оба они несказанно обрадовались. А собака не лает — боится, чтоб Сокол ее снова не стал бить.

Видит Волга, что братья зачарованы ее красотой. Осмелела, вздохнула всей грудью, напряглась да и ударила со всего размаху, так ударила, что затрещали братья и раздались в разные стороны...

Собака только и успела тявкнуть — тип-тяв¹. Пали эти звуки на вершину Сокола да там и замерли. А собака полетела от сильной встряски в воды Волги, которая уже неслась, хохоча и резвясь, между двумя братьями...

Так и стоят теперь Сокол и Жигуль, разделенные могучей и своенравной Волгой.

¹ Тип-Тяв — вершина Соколых гор.

ЦАРЕВ КУРГАН

МОГИЛА ХАНА

Предание

(Из записок Я. Стрейса, 1669 г.)

Там стоит гора, которая называется Сарион Курган (Царев Курган). Если верить преданиям москвитян, образовалась она очень странным образом. В ней погребен 70 князьями татарский царь (хан), который поднялся по Волге, чтобы покорить Россию. Он был разбит русскими. И воины его принесли в шлемах и щитах земли на его могилу и насыпали высокую гору...

А. А. Коринфский

НА МЕСТЕ ЦАРСКОГО ШАТРА

1

По нраву пришлось это место царю,—
А шел он с низов из походу:
Отсюда, из стана, он видел зарю,
С горы нисходящую в воду.

2

Отсюда — с приволья поемных лугов,—
 На синюю матушку Волгу
 С зеленою цепью лесистых бугров
 Он мог любоваться подолгу.

3

Не мог наглядеться и досыта он
 На крепь Жигулей вековую,
 На волжского плеса широкий затон,
 На завесь небес голубую.

4

Готов бы сидеть он с утра до утра,
 На миг не смыкаячи взоров,
 Сидеть — любоваться под синью шатра
 Красою лесных косогоров.

· · · · · · · ·
 · · · · · · · ·

9

Но время ль раздумью?! Уж ропщут войска,
 Тоскуя над Волгой по Каме...
 Пора — в путь-дорогу! Лихая тоска
 Не кинется ж следом за нами!

10

Простите, привольные дали лугов!
 Прощайте, зеленые горы!..
 И царь был печали предаться готов;
 Но вдруг — оживились взоры.

Сверкнул он очами, взял турий свой рог,
Клич кликнул несметным дружинам
И встал перед ними — приветлив и строг,
Окинув всех взглядом орлиным:

— С зарею седлать звонконогих коней,
Шатрами сниматься пора нам!
Но пусть знают все, что владыка царей
Стоял здесь с дружиною станом!

Дружинники-друзи, по горсти одной, —
Дружинники-друзи, внимлите, —
По горсти земли над могучей рекой,
Где был мой шатер, положите!..

Весь берег покрыт был шатрами окрест.
И вот — на призыв властелина,
Во славу красы покидаемых мест —
Взялась за работу дружина.

С зарею — высокий бугор земляной
Горою вздымался пред станом...
Века пролетали над Волгой родной,
Но он — не исчез: он стоит над рекой,
Слывет он Царевым курганом!..

ПО ГОРСТИ

Предание

Во время одного из своих походов русский царь Иоанн Грозный остановился как-то раз в Жигулевских горах. Захотелось ему свое войско сосчитать.

Повелел царь каждому воину по горсти земли на одно и то же место бросить. Когда войско исполнило царский приказ, из горстей земли образовался курган-великан.

И стали называть его Царевым курганом.

УБЕЖИЩЕ РАЗИНА

Предание

(Из записок академика Лепехина, 1821 г.)

Это Стенька Разин соорудил сию достоприметную громаду. Во многих случаях, а особливо в полу ю воду, она служила ему защитой и убежищем.

НА ГОРЕ ЛЕПЕШКА

Легенда

На склоне горы Лепешка зарыт в землю Стенькой Разиным клад. В этом кладе было два ведра с золотом до самого верха. На этих ведрах был сверху положен железный лом. Если хочешь взять клад, то должен этот лом не пошевелинуть. Много времени прошло с тех пор, но клад так и не стали рыть — боятся пошевелить лом, который заговорен.

Александр Ширяевец

КЛАД

«Аль весь век носить онучи!
Срам!.. И девки не глядят!»
И пошел он в лес дремучий
Поискать заветный клад.

Чай, не даром молвят старцы,
Будто там вон, под бугром,
Цепью скованные ларцы
С атамановым добром.

...Заработал тяжким ломом,
Ажно пронял жар и пот...
Вот не будет бобылем он,
Первым выйдет в хоровод!

Темень... Шорох... Чьи-то зенки,
Словно уголь... Хвост... Рога...
Кто-то ловит за коленки...
Топот, крики: «Ага-га!»

— Не трусливого десятка!—
Молвит парень. — Не спугнут...
Но душа уходит в пятки,
И мутит лесная жуть....

Звякнул лом о клад заветный...
Парню дрожь унять не в мочь:
— Будут все теперь приветны!
В жены — старостину дочь!

Слава богу! — Только это
Молвил — вырос вновь бугор...
...Прощатался до рассвета
И в онучах до сих пор.

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН И ДЕВЬЯ ГОРА

Евгений Шаповалов

ИВАН ДА ГРУНЯ

С к а з

Про курган Молодецкий и Девью гору много притч сложено. Да мало сказывается о молодце Иване и девушке Груне из русского села Усолья. А ведь и курган и гора их именами зовутся...

Сразу за Усольем гора Светелка. А дальше гора Белый камень. Крутая и важная, как красавица белолицая, стоит она у самой дороги.

Взошел раз на Белый камень безродный Иван. В Усолье никто не знал, не ведал, кто он такой и откуда пришел в село. Ходит из избы в избу да милостыню собирает.

Что за надобность такая — на гору взбираться? Может, на Жигули хотел сверху взглянуть? Или другая какая-нибудь забота на душу легла? Стоит он на вершине, о чем-то думает. Да вдруг слышит строгий мужской окрик:

— Эй, парень!

Глянул Иван вниз, а там Савва Силыч — усольский богатей. Все в селе перед ним спины гнут. А он не всякому на поклон ответит. Чужа силу в своем богатстве.

— Ну-ка, слезай! — велит богатей.
— А бить не будешь? — спрашивает Ваня
— Надо бы высечь, да для того, чай, отец есть. Ты чей будешь?
— Ничейный я, — ответил Ваня и спустился с горы.

Савва тут же допрос ему учинил. Где родился? Какая у него фамилия?

— А про фамилию мне никто и не сказал, — ответил Ваня. — И про то знать не знаю, где я родился.

Ухмыльнулся Савва Силыч. Парень, пожалуй, ему впрок. Ни роду у него, ни племени. Видать, крепким уродился. Чем не работник?

Привел он Ваню к себе в дом. И при всех объявил:

— Есть дочь у меня, а теперь и сын будет...

Зажил Иван у богатей. Ел досыта, спал на пуховой перине. Только счастье его не долго длилось. Не угодил чем-то хозяину. Стал тот парня корить:

— Ешь сладкое, да не досыта. Пей медок, да не допьяна. И не гоже тебе, мужчине, перину мять. Иди-ка лучше на конюшню...

Перебрался Иван на конюшню. Там работу справлял, там и ел, там и спал.

Прошло года четыре, может, и все пять. Вырос Иван, стал статен, пригож. Усольские красавицы на него уже заглядывались. А он словно бы и не замечал. Все работал да о чем-то думал.

И случилось так, что приглянулся он дочери самого хозяина. Груней ее звали. Ни ростом, ни здоровьем она не вышла. Зато красотой взяла. И ласкова была к людям. Будто всем сестра родная. А за Ивана безродного готова была жизнь молодую отдать. Ивану она тоже по душе пришлась. Потому-то и встретился Савва Силыч. Понял, что блажь дочери да батрака к добру не приведет. И решил прогнать Ивана со двора. Для начала принялся разные наговоры наговаривать. Он-де и вор этот самый Иван, и лодырь, каких свет не видел. Оно понятно—кто бьет, тому не больно.

Да удары Саввы прились не только по Ивану, но и по родной дочери. Услышала Груня, что отец решил прогнать Ивана, и слегла в постель. Не спит, не ест. С часу на час худеет. Звали докторов и знахарок. Поили Груню разными зельями, отваром из девясила. А проку никакого. Испугался Савва, как бы ненароком единственную дочь не загубить. И решил: пусть все будет, как было.

Остался Иван в доме у богатея. Жил как прежде, на конюшне работал как прежде. Только радости прежней не было. Не было и надежды. Не отдаст за него замуж богатей дочку. Не силой возьмет, так хитростью. И стал Иван еще больше задумываться да тосковать.

А тут слух прошел, что сам Стенька Разин подплывает к большому кургану. Вот и задумал Иван бежать в Жигули, к атаману вольницы. Взял да и поделился думкой с Груней. Та в слезы, молит, чтобы и ее с собой взял. И клятву дает: дня без него в отцовском доме жить не станет.

Долго думал Иван и понял так, что не гоже ему вместе с девицей в войско Разина подаваться. Засмеют. К тому же Груня не жена ему и не сестра. Сговорились, что как только Иван дело найдет себе в разинской ватаге, так тут же даст весточку Груне. На крыльях она прилетит к нему.

Пошел Иван в Жигули. И едва приблизился к древнему кургану, который выше Светелки и Белого камня, как сразу приметил шатер. Понял, что это шатер атамана. Хотел было подойти к шатру, чтоб своими глазами увидеть Разина. Да нешто можно тайком? Завидели Ивана вольники. Схватили за крепкие руки и повели к атаману как лазутчика.

А Разин, облокотясь, сидел на низком пне и смотрел вниз, где плыли по Волге его струги и боевые челны. Привели к нему Ивана. Глядит он на Разина и глаз не сводит. Атаман и впрямь богатырь. Кафтан на нем черный, бобром отороченный. Соболя шапка с бархатным красным верховником. За кушаком кин-

жал и два пистолета. Сапоги на нем до того зеленые, ну словно из жигулевской травы-муравы сшиты.

Глянул Разин на Ивана. Будто огнем ожег. Лицо красивое и суровое. Много дум-забот на его лице. Сроду не видел Иван таких лиц. И все глядит и глядит.

Улыбнулся атаман. Будто яркое солнце из-за туч выглянуло.

— Нагляделся, что ли? — спросил Разин. — Что я для тебя, невидаль или чудо какое?

— Ты больше, чем чудо, — ответил Иван. — Про таких, как ты, только в сказках сказывают. Дорог ты не красотой и не нарядами. А тем, что за народ идешь. И я как есть сын того народа.

Поднялся атаман во весь рост.

— Раз так, то будь мне братом. Принимаем тебя как родного. А семья у нас, сам видишь, большая.

Показал Разин рукой на утесы, на поляны, на берега Волги. Всюду горели костры. И людей было видимо-невидимо.

Поклонился Иван атаману. Спасибо, мол, что братом назвал. И за то спасибо, что в войско принял. Приказал Разин друзьям-воинам, чтобы новому вольнику дали оружие.

А на другой день, как солнце встало, снялась могучая ватага с места и взяла путь на Симбир-город. И был под тем городом великий бой. Храбро сражался против войск боярских и Иван из Усолья. Дважды был ранен. Да не сдался на милость врагов. Только ярости в нем прибавилось. Не раз видел Разин в деле нового вольника. Радовался его удали. И тут налетели на Ивана сразу три стрельца, как три коршуна. И на этот раз Иван вышел из беды. Двум стрельцам головы отрубил, а третьего без рук оставил.

И это видел атаман. Кликнул он к себе Ивана.

— Как зовут-то тебя, добрый молодец?

— Иваном нарекли, — ответил молодой вольник.

— А как величают? Как по фамилии?

Усмехнулся Иван. Нет у него ни отчества, ни фамилии.

Задумался Разин и сказал:

— В бою ты крещен, русский человек. Мы сами дадим тебе и отчество и фамилию. Называйся отныне Степановичем. А раз ты такой молодец, то фамилия твоя будет Молодцов.

Иван низко поклонился. А Разин повернулся и громко спросил товарищей, тех, кто поближе:

— Согласны?

Ответили ему горы, леса и поля:

— Со-гла-сны!

С той поры стали величать Ивана Степановичем, по фамилии прозывать Молодцовым. Был он еще во многих делах и переделках. Но нигде не посрамил своей фамилии.

А когда разинскую ватагу разбили царские войска и самого атамана взяли в полон, прорвался Молодцов вместе с Федькой Шелудяком и сотней других вольников в темные Жигули. Там они раны лечили да сил набирались. Тут-то и заныло сердце у Ивана. Вспомнил он про Груню, про уговор. И послал в Усолье весточку. Не год ждал, не месяц, а всего-навсего день один. Прискакала Груня быстрее ветра на вороном коне. Бросилась на грудь милому и слез не удержала. Отошли от них в сторону вольники. Долго Иван с Груней были наедине. Потом сами нашли товарищей. И сказали им открыто, как братьям родным: соберут они новые силы, разобьют войска царские и вызволят из неволи Стеньку Разина, так и свадьбу сыграют. Сам атаман будет у них за отца и за свата.

Легко думу задумать, да трудней дело сделать. Савва Силыч в лютой злобе повел по горным тропам царские войска в Жигули. Встретили их вольники не как гостей, а как врагов. Бой был долгий и неравный. Разинцы кровью истекали. Но не сдавались. И мало-помалу отходили к Волге.

Вот уже и седой курган показался, тот самый, где сам Разин принял Ивана. Наседают царские стрелки-ратники. А Савва христом-богом молит их начальника, царского вояку Афоньку Козинского, чтоб дочке

жизнь сохранил. Сулит за то и золото, и серебро. Только бы жива осталась.

Решился тогда кровавый Афонька на хитрость. Дал приказ стрелкам. Перестали они наседать. И вышел наперед Савва Силыч. Позвал к себе дочку, а вместе с нею и пасынка. Пускай-де сдаются. Их пальцем никто не тронет. И за Ивана он хоть сегодня готов дочь отдать.

Но ни Иван, ни Груня, ни их товарищи, оставшиеся в живых, не поверили. Не было у них уже оружия. А все равно воевали. С горы бросали в стрельцов камни тяжелые.

Рассвирепел тогда Афонька и приказал стрельцам всех вольников перебить, а Ивана да Груню живыми взять. Пошли царские войска на последний приступ. Перестреляли разинцев. Остались в живых только Иван Молодцов да Груня его верная. Из всех сил карабкается он на скалистую вершину. А она рядом с ним на вороном коне. Тоже на курган взбирается.

Кто-то из стрельцов метким выстрелом ранил коня. Упал он вместе с Груней. А Иван тут как тут. Подхватил Груню за руку. Вместе достигли они вершины. Впереди обрыв, Волга, позади вражьи люди.

Хотела было Груня обнять Ивана. Да вдруг ухватился он обеими руками за плечо. Видит Груня: из-под ладоней его кровь потекла ручьем.

— Вот и я, кажись, отвоевался, — сказал Иван.

Сорвала она с головы платок, чтоб рану его перевязать. Но Иван осторожно отстранил ее. Поглядел ей в глаза:

— Не дожить, знать, до свадьбы...

И шагнул к обрыву. Бросился вниз. Полетел, задевая за острые скалы.

Вскрикнула Груня и побежала вниз по откосу. Не успела обогнать Ивана. Утонул он в Волге, унес с собой любовь и судьбу ее.

А позади Груни отец, за ним стрельцы. Вот-вот достигнут. Не оглянулась Груня. Вбежала на горку, что вдавалась в реку, крикнула Ивану:

— Прощай! — и вслед за ним прыгнула в Волгу.
Только волны пошли по воде.

Вот с тех пор и прозвали древний курган Молодецким, а небольшую гору, что прижалась к кургану, — Девьей горой.

Д. Н. Садовников

ПОЛОНЯНКА

В те годы, когда под зеленую сень
Леса удалых принимали,
Работали нож да тяжелый кистень;
Любовь воровали со всех деревень,
Царевы суда обирали...

Увел из-за Волги лихой атаман
С собой красоту полонянку —
Туда, где раскинул свой временный стан,
В дремучую глушь, под зеленый шихан,
В свою воровскую землянку.

Не сладко житье ей с немилым вдвоем
И кажутся долгими ночи...
Тоскует она о селенье родном;
Молчит, закрывая цветным рукавом
От слез потемневшие очи.

Не может к своим она весточки дать
В село, где крушатся немало
О ней и жених, и родимая мать...
«Бежать, — она думает, — надо бежать
Скорее, во что бы ни стало!»

Неделя проходит — она уж не та;
Тоску на веселье сменила —
Светлей стали очи, приветней уста.
Глядит атаман, — и ее красота
Его в свой черед полонила.

Бегут для него незаметно часы —
Он с ней остается подолгу;
Для ласковых слов ненаглядной красы,
Для светлых очей и тяжелой косы
Забыл он кормилицу Волгу.

«Скажи, красота, у меня ль не житье?
Моя ль не завидная доля?
Спасибо — забыла ты горе свое,
Люби атамана: все будет твое,
Во всем тебе полная воля!

Смотри, — говорит он, взводя на курган, —
Вон, видишь, белеют в тумане
Суда? То богатый идет караван —
С низовых местов, из полуденных стран,
Везут мне обильные дани.

Наденешь другой, побогаче наряд,
Персидскими шитый шелками;
Алмазные серьги в ушах заблестят,
И будет убор твой девичий богат
Цветными, как солнце, камнями!»

Но силою сердца ее не возьмешь,
Он душу ее не узнает:
У ней на словах золоченая ложь.
А замысел свой, что отточенный нож,
Она от него укрывает.

Как твердый утес прибываля вода,
Тоска ее тайная гложет.
Одна у ней дума: когда же? Когда?..

А речи... Что речи?.. По ним никогда
Расстаться она с ним не может.

«Мне любо и здесь, молодец удалой,
На что мне постылую волю?
Привыкла к тебе, не пойду я домой,
Хочу поделить, разудалый, с тобой
Твою молодецкую долю.

Пойдем посидим, как сидели вечер,
И помнишь? на зоречке рано,
Поближе к реке, на знакомый бугор:
Там весело глазу, трава, что ковер»,—
Склоняет она атамана.

Сядутся... И, лаской вконец опьянен,
На грудь полоненной девицы
Кладет утомленную голову он...
И тихо вечерний, разымчивый сон
Ему опускает ресницы.

За ними дремучего бора стена,
Они — на краю, у обрыва.
Кругом ни души... и везде тишина,—
Внизу только плещет о камни волна
Встающего тихо разлива...

О чем же тут думать? Толчок — и долой
С вершины крутого шихана
С подавленным стоном летит удалой,
Об острые камни стуча головой, —
И нет удальца атамана...

Землянка в ту ночь остается пуста.
Почуяв кровавое дело,
Наутро всплывают над ней беркута
И тщето кругом озирают места,
Ища атаманово тело.

Александр Ширяевец

МЕСТЬ

Ты жила в скиту замшелом,
Все молилась, ладан жгла.
Он охотником был смелым
Из приволжского села.

Нес он с песней диких уток,
Позабыла, где свеча...
С развеселых прибауток
Стала ярче кумача...

Соловьи в лесу скликались,
Разливался вешний мед...
И ушла ты, не печалась,
От своих святых ворот.

К песням аховым, к шиханам...
Повенчались без венцов...
Стал охотник атаманом,
Кликнул голь со всех концов...

За шелками, за коврами
Для тебя он уплывал...
Как любились вечерами!
Что за песни он певал!

В ночь над Волгой звездоокой
Разгорался буй-костер,
В нем маячил издавека
Алый бархатный шатер...

Заглянуло к вышке лихо,
Быль иная зацвела...
Белотелая купчиха
Мила друга отняла...

Ты дозналась про смутьяну
И за смертную тоску
Ночью сонного с кургана
Опрокинула в реку.

И сама метнулась с кручи
За изменником в простор...
И зовут курган дремучий
Молодецким с этих пор.

Борис Сиротин

КАМЕННАЯ ЧАША

Кто жил в чащобных Жигулях тогда:
Верней всего, горячие булгары.
Их стрел свистенье,
Топоров удары
Запомнила широкая вода.

Да, шумный тот народ,
Всего верней...
Ремесел знатоки и звероловы.
Протяжные напевы давних дней,
Должно быть, помнит Волга
Слово в слово.

Итак — булгары.
И один из них
Прославился особо метким глазом.
Медведей, рысей и зверей иных
Из лука доставал он
Раз за разом.

И только был неуловим Олень,
И он лишил охотника покоя.
Едва, бывало, засереет день
Над хвойными кряжами и рекою,

А юноша в пути,
Ему туман,
Овраги и болота —
Не преграда.
Набит до хруста стрелами колчан,
И тетива натянута как надо.
И видит все неумолимый глаз,
Сквозь спутанные ветки проникая.
Но нет Оленя
И на этот раз...

А взор его каков,
А стать какая!

Сиянье,
По рассказам стариков,
И ночью излучает шерсть оленья,
А на концах раскидистых рогов
Сверкают драгоценные камни.

Но нет как нет Оленя.
В берега
Толкается вода светло и сонно.
Чу!
В чаще чьи-то светятся рога!..
Нет, не рога —
Всего лишь ветви клена...

И все-таки однажды
На скале
Охотник юный выследил Оленя:
В рассветной холодящей полумгле
Он высился
Всего одно мгновенье.

Но сильная не дрогнула рука,
И, раненный на месте том открытом,
Олень-красавец
Взвился в облака,
О камень грянув.
Золотым копытом.

И тут же из оленьего следа —
Такая в золотом копыте сила! —
Чистейшая студеная вода,
С дымком небес смешавшись,
Засквозила.

И дабы в сердце успокоить пыл,
Разгоряченный длительной погоней,
Охотник эту воду
Пил и пил,
Не выпуская из ковша ладоней.

Дрожали капли в редкой бороде,
Как росы
Средь диковинных растений;
И вдруг увидел юноша в воде
Обрывки смутных
Сказочных видений:

Как будто бы его со всех сторон,
Таившиеся прежде —
Кто в пещере,
А кто в норе,—
Под черный крик ворон
Насупленные обступили звери.

И будто человеческим языком
Седой медведь,
На задних лапах стоя,
Ему сказал:
— С убийством ты знаком...
Так знай:
Сей след наполнен
Добротою!

Так знай:
Вода студеная сия,
В душе рождая доброту и силу,
Отныне для людей и для зверья
Из камня обомшелого забила!

И понял наш охотник:
Неспроста
Его в тревоге обступили звери,
Что эта влага
Для того чиста,
Чтоб сеять в сердце
Чистый свет доверья.

Проникнуться доверьем ко всему:
К траве,
Деревьям,
К птице поднебесной —
И знать,
Что в сладком солнечном дыму
Зверью и людям
На земле не тесно!

Так думал он.
Но вот скользнула тень
На травы,
И роса упала с веток.
И показалось:
За горой Олень
Ему блеснул копытом напоследок...

Открытый взору с четырех сторон,
Окутанный дымком голубоватым,
Родник студеный
К полдню вознесен.
Бывали вы,
Не раз бывал и я там.

Высокая, как небо, тишина.
По склонам —
Лишь сверканье сосен медных.
И песня Чаши чуть приглушена
Разгоном трав —
Могучих, заповедных.

Привольно человеку и зверью!
Я хрустнувшие стебли приминаю
И воду удивительную пью,
И всю легенду
Вновь припоминаю...

Виктор Балашов

УТЕС ШЕЛУДЯК

Предание

Давным-давно смыли дожди кровь поверженной вольницы, звери и воронье растаскали нехороненные кости погибших, а древний утес и поныне помнит тот день, будто сеча гремела тут лишь вчера. Вечен утес, а столетья в сравнении с вечностью все равно что минуты в жизни человеческой.

Вот здесь, у самого края пропасти, стоял он, верный сподвижник Разина — Федор Шелудяк. На эту каменную плиту стекала из рассеченного виска алая кровь атамана. Летел над широкою Волгой певучий ветер, раздувая белые паруса облаков.

И не от потери крови — от буйного посвиста ветра кружилась голова атамана. И рябило в глазах не от мельканья ярких кафтанов врагов — от пляски взвихренных ветром берез, от лиственного неистовства рябило в глазах у молодца.

Метался глубоко вниз пламень костра, разожженного для пыток, и мелко трепетали осины в предвиденье страшных мучений, ожидающих Федора. Но знал Шелудяк: поспешили разводить огонь царские сатрапы — живым не дастся он врагу. А медлил он над пропастью оттого лишь, что несказанно сладки последние мгновенья свободы, жизни, бесценны последние глотки хмельного весеннего воздуха.

Дважды удавалось ему вырваться из метко брошенной петли, и вот в третий раз змеей захлестну-

лась она на груди. Стоглавая вражья орда вспучилась над гранью утеса, смрадной лавиной с хриплым ревом прихлынула к ногам... Ах, если б уцелела верная сабля из синей дамасской стали!

Последним богатырским усилием разорвал Шелудяк петлю-удавку на груди и кинулся вниз — на встречу дико засвиставшему ветру.

Только рано возликовали враги: беззвучно разверзся вдруг камень под телом смельчака, бережно принял его в прохладные недра и снова сомкнулся перед скованными ужасом стрельцами.

Так спасла удальца Хозяйка Каменных Гор.

Но не обрадовался избавленью атаман. Без солнца, без вольницы своей, без звенящих над Волгой ветров стал он чахнуть. Не тешили его ни ласки Хозяйки, ни блескучая роскошь подземных палат, ни обилье редкостных яств на широких каменных столах.

День ото дня стыла кровь молодца, вбирая извечный холод камня. Так и погиб он за толщей гранитных глыб в страстной тоске по горячему солнцу.

С той поры неутешна Хозяйка Гор. И по сей день стекают в Каменную Чашу ее прозрачные слезы.

Помрачнел и утес, названный именем атамана. В безлунные осенние ночи тяжело вздыхает он, шелестя жухлой травой, потому что и камню тяжка память о жестокой судьбине героя.

Евгений Лазарев

ЖАДНЫЙ БАРИН

Предание

Знойное, горячее, будто лесной пожар, лето встало тогда над Волгой. Горели травы, чернели на корню хлеба. И часто в полдень земля содрогалась, словно от громового удара. Значит, где-то поблизости появилась еще одна кривая, зияющая трещина.

Беда поднималась над людьми. Пришла пора жатвы, но никто и в поле не вышел. Нечего было жать. Поле было мертвым, как пустыня. Только сухие смерчи столбами возносили к небу земной прах.

Горе залегло в глазах у людей. Опустили головы даже мужчины, которые не знали страха перед грозными врагами. С криком и рыданиями метались по селу женщины, прижимая к груди голодных детей.

Собрались тогда люди на совет и долго молчали. Первым заговорил древний, седой, как ковыльный курган, старик.

— Слушайте меня! — обратился он к селянам. — Много раз мы глядели смерти в лицо. Никто из нас не боялся, когда сходились грудь с грудью в сече с врагами. Потому что мы знали: умрем, но свободными и сильными вырастут наши дети. Что же теперь? Дети умирают раньше нас. Вот я и говорю: наступите ногой на вашу гордость. Пойдемте к барину и будем просить хлеба...

Потупились гордые люди. Они знали, что у барина много хлеба. В ряд стояли у горы его крепкие и угрюмые, как скалы, амбары. В их тихом сумраке хранилась литая янтарная рожь. С годами зерно не убывало, а прибывало. Потому что все село, опутанное долгами, работало на барина.

Долго спорили мужики. Но делать нечего. Пошли всем селом к барину на поклон.

Женщины плакали, мужчины шагали молча.

После долгих и обидных уговоров вышел к ним барин.

— Зачем вы пришли? — спросил надменно. — Хотите хлеба? А кто из вас не клял меня последними словами? Разве за это платят добром? Вы всегда гордились своей правдой, а меня уличали в кривде. Теперь я хочу спросить вас: накормила вас ваша правда? И еще я спрошу: кто из нас прав? Даже ваши дети, умирающие с голоду, скажут, что прав я. У меня хлеб — у меня и правда. А вы идите и питайтесь своей правдой. Кто останется в живых, пускай приходит ко мне по весне. Я дам зерна. Но не для того,

чтобы его съели, а для того, чтобы засеяли им нивы. А осенью принесете мне зерно нового урожая. Я засыплю его в свои амбары. А теперь уходите, и помните, и детям своим скажите, что моя кривда сильнее вашей нищей правды...

Они ушли. А он смеялся им вслед.

И вдруг содрогнулись горы. Ударил гром. От ветра закачались и загудели деревья. Гроза была сухая, без дождя, без единой капли. Волга потемнела, как набежавшая туча, и в дикой ярости бились в берега волны.

В эту жестокую грозу свершилось небывалое. То ли от страха, то ли от удара молнии окаменел смеющийся барин. И дом его превратился в каменную скалу. И там, где были амбары, появились валуны. Спеклась и закаменела в них рожь. В камень превратилось все, что было добыто кривдой, что не приносило людям ни пользы, ни радости.

Потом люди часто находили в Жигулевских горах отвердевшие, как камень, иглистые зерна. Говорили, что это, дескать, какие-то древние морские ракушки. А старики и до сих пор стоят на своем: это рожь. Каменная рожь.

Анатолий Ламберов

ПЕТРОВ КАМЕНЬ

Предание

На царском струте не слышно песен гребцов. Только Волга плеснет тяжелой волной в борта да пронзительно крикнет чайка, стрелой падая к воде. А горы, загадочные и древние, бесформенной грудой повисли над рекой и, кажется, вот-вот упадут в нее.

Стоит на палубе струга великий государь, и смутно на царской душе. Величественны дикие горы. Что-то державное есть в них. Чувствует это царь и хмурится, нервно теребя ус.

Позади царя толпится свита в расшитых золотом кафтанах, молчит.

Оглянулся на вельмож Петр, резко дернул плечом.
— Чего молчите?

Хмыкнул, отвернулся и опять смотрит на горы. По скалистым утесам карабкаются к высокому небу сосны. И как только держатся...

«Мое и не мое», — подумал царь, внезапно гневаясь.

И вдруг он увидел орла. Могучая птица парила над самой высокой вершиной, свободно, уверенно, по-хозяйски. Огромные крылья тускло блестели на солнце.

«Как хозяин осматривает мои владения», — подумал с обидой царь.

— Чалить к берегу! — громко сказал Петр, сорвал с головы треуголку, смял железными пальцами. — Держава сия наша! Поднимемся и посмотрим, велика ли она. С горы посмотрим...

Покосился царь на вельмож, топнул ногой. Сбежал по сходням на берег.

Вельможи, тяжело отдуваясь, едва поспевают за длинноногим Петром. Некоторые незаметно, опасливо крестятся — круты горы, неровен час...

Орел все еще кружит в вышине, и Петр яростно карабкается туда, к нему...

Наконец поднялись. Взлохмаченный царь огляделся и не увидел птицы. Хрипло, торжествующе засмеялся.

— Дай-ка сюда! — Он выхватил у одного из солдат бердыш — боевой топор — и ударил им по твердой скале. Подумал и еще ударил. И бил по неподатливому камню до тех пор, пока четко не обозначилось:

«1722 г. Петр Первый»

Смахнул царь со лба обильный пот, набил табаком трубку и с наслаждением глотнул горького дыма.

— Как называется сия гора? — спросил он у провожатого — старожилы.

— Лысая гора, великий государь, — сказал прожатый. — А там, внизу, деревня Моркваши.

Стали спускаться к Волге. Петр повеселел, смеялся.

Неожиданно недалеко от реки, в долине, увидели красивый деревянный домик. Он прятался в густой зелени, удивительно ладный, весь изукрашенный ажурной резьбой.

— Чьи же сии здесь хоромы? — удивился царь. — Зело красив терем!..

Он подошел к домику, крикнул:

— Кто есть живой, выходи!

Появилось несколько мужиков в рваных домотканых рубахах.

— Чей дом? — строго спросил Петр.

Мужики кланялись, но молчали.

— Великий государь желает знать! — сказал один из вельмож в красном кафтане и брякнул саблей.

Мужики молча упали в ноги.

— Что же вы молчите? — опять строго спросил Петр.

— Не гневайся, великий государь, — произнес один из мужиков. — Может, не по твоей царской душе ответ придется...

— Говори.

— Стенька Разин, атаман, для своего вольника Никодима, деда моего, поставил. Ранили деда, когда войско атаманово на Симбирск шло... Хочешь казни, хочешь помилуй...

Петр прошелся по-журавлиному, косясь на мужика и пытая короткой трубкой, долго молчал.

— Выходит, добрым был разбойник? — спросил царь резко.

Мужик не отвечал.

— Добрым, выходит, Разин был? — еще раз спросил.

— Не гневайся, великий государь, — проговорил мужик. — А сказывают в народе — был он добрый...

Петр сердито взглянул на свиту, на вершину Лы-

сой горы и увидел в небе орла. Тот плавно парил в густой синеве, и грозно сверкали на солнце, будто железные, его крылья.

Царь отвернулся — взгляд его был смутен — и молча пошел к реке, дергая ус.

А. А. Коринфский

РУСАЛОЧЬЯ ЗАВОДЬ

Под суглинистым обрывом,
Над зеленым крутояром
День и ночь на темный берег
Плещут волны в гневном яром.

Не пройти и не проехать
К той пещере, что под кручей
Обозначилась из груди
Мелкой осыпи ползучей.

Выбивают прямо со дна,
И зимой не замерзая,
Семь ключей — семь водометов
И гремят, не умолкая...

Закружит любую лодку
В пене их молочно-белой,
И погибнет, и потонет
В ней любой безумец смелый.

Далеко потом далеко —
На просторе на гульливом
Тело мертвое на берег
Волга выбросит приливом...

Было время... Старожилы
Речь ведут, и не облыжно,
Что стояла эта заводь,
Как болото, неподвижно;

В камышах, огородивших
Омут чащею зеленой,
Семь русалок выплывали
Из речной воды студеной.

Выплывали и прохожих
Звали песнями своими
В развеселом хороводе
Порезвиться вместе с ними.

И, бывало, кто поддастся
Приворотному призыву
Да сойдет к речному логу
Косогором по обрыву —

На него все семь русалок
И накинутся толпою,
Перекатным звонким смехом
Заливаясь над водою.

Защекочут сестры насмерть
Гостя белыми руками
И глаза ему замечут
Рудо-желтыми песками;

А потом, потом зароят
В той пещере, в той могиле,
Где других гостей без счету —
Без числа нахоронили...

Клич русалочий приманный
Услыхал один прохожий,
Вещей силой наделенный,
Прозорливый старец божий, —

Услыхал и проклял заводь
Нерушимым гневным словом,
И на берег, и на волны
Пал туман густым покровом...

В тот же миг стал осыпаться
По обрыву щебень серый
И повис щитом надежным
Над осевшею пещерой;

А русалки так и сгибли
В расходившейся пучине —
Семь гремлячих водометов
Выбивают там доныне...

А под утро над ключами,
Перед зорькой раным-рано,
Семь теней дрожат и вьются
В дымном облаке тумана...

Конный мимо них несется,
Не жалея конской силы;
Пеший усталъ забывает
Близ русалочьей могилы...

И поют ключи, и плачут —
Слезно плачут в гневном яром, —
Точно правят панихиды
Над зеленым крутояром...

а землю
родную

Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего
Игоря.

Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнялся
И повел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю
Русскую.

Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воев своих, тьмою от него
прикрытых,

И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленными, чем
даться в полон...»

Из «Слова о полку Игореве»

УТЕСЫ НАД ВОЛГОЙ

Легенда

Давно это было, очень давно. В те времена на месте Жигулевских гор простиралась обширная равнина. На ней паслись несметные стада, хлеба колосились в рост человека.

Хорошо тут жилось людям. Но случилось так, что соседей, кочевавших за Волгой, обуяла зависть. Они и до этого разбойничали по чужим землям. А тут решили совершить набег на Волгу, взять в полон мирных людей, что жили по ее берегам.

Подплыли они на челнах. И только хотели было высадиться, как услышали грозный окрик:

— Что вам тут надо, вражьи люди? Уходите, пока не поздно!

Оглянулись в страхе пришельцы. И видят: на берегу стоят двое — добрый молодец по имени Микула и подруга его Дарьца. Осмелели враги. Что им два человека? У них-то целая рать. И стали они стрелять из луков в русского богатыря и его подругу. Пустили в них тучу стрел.

А потом пригляделись и ахнули. Увидели чудо:

перед ними не люди, а два высоких утеса с отвесными скалами. Встали они на крутом берегу неприступной стеной.

В это время Волга будто глубоко вздохнула. Поднялась она мощной волной и стала опрокидывать один за другим вражьи челны. Началась суматоха в стане пришельцев. Тонут они в бурных волнах. Кого-то на помощь зовут. Но никто их не слышал. Только время от времени, как эхо в горах, раздавался тот же грозный окрик:

— Что вам тут надо, вражьи люди? Уходите, пока не поздно!

Много жадных и жестоких кочевников погибло тогда в волжских водах. А те, кто уцелел, поспешили на восток, откуда явились.

И стоят с тех пор на крутом берегу Волги два славных утеса. Один называют Молодецким курганом, а другой — Девьей горой.

А. А. Коринфский

ПОЛОНЯНКИНА КОСА

Справа — выступ зеленой горы,
Слева — отмель желтеет косою;
Посредине — синееет река,
С берега на берег плещет волною.
И один к одному берега —
Все тесней да тесней с каждым летом...
Бродит Волгой в народе рассказ —
Ходит вещее слово об этом.
Молвит сказ:

1

...В стародавние дни,
В позабытые дедами годы

Волга-матушка глубже была,
Вдвое шире синели здесь воды.

2

На нагорном крутом берегу
Темен бор поднимался до неба;
В нем, от устья Оки до Суры,
Ни души не нашлось нигде бы.

3

А на той, луговой, стороне —
На широком зеленом приволье —
Кочевала орда: было там
Некрещеному люду раздолье.

4

Завезли в ту орду невзначай
Полонянку из Руси родимой.
Приглянулася хану краса:
Взял в шатер свой — рабыней любимой.

5

Да — собака — ей нелюб он был...
Как орда залегла на стоянке
По заволжским лугам, — не нашел
Ворог лют молодой полонянки!

6

Черной тучи чернее сидит
В опустелом шатре полотняном,
Гневен нехристь, опала его
Громом-гром разразилась над станом...

7

Не нашли и гонцы, не нашли —
А ведь где-то, уж где не искали!
«Обернулася птицей она,
Улетела за Волгу!» — сказали.

Упорхнула из клетки — ушла,
Хоть не птицей краса улетела,
Да уж больше поганой руке
Не ласкать белоснежного тела...

10

Да уж больше-то волчьим глазам
Не смотреть белой лебеди в очи,
Что — синее, чем неба лазурь,
Глубже Волги, темней полуночи.

11

Нет, не будет насильник лихой
Расплетать косу русую эту!..
Ускользнула краса ввечеру,
Не хватились до белого свету...

12

Шла лугами, оврагами шла;
Шла болотом, в воде по колена.
Ночь ее прикрывала собой,
Звезды путь ей казали из плена...

13

Зорька к Волге ее привела,
Ноги — в кровь, ноет белое тело;
Растрепалась коса; сон долит.
На лужок полонянка присела.

14

Притаилась в высокой траве, —
А трава-то ей по пояс всюду!..
Отдохнула краса, поднялась.
Ждет и молит спасения-чуда.

15

Хоть бы кто-нибудь с той стороны
На ладье к ней подплыл ненароком —
Ждет, и молит, и плачет она,
Вдаль впилая тоскующим оком.

16

Никого... Вдруг всмотрелась — глядит,
И себе не поверила сразу:
За рекою стоит человек,
И с нее не спускает он глазу.

17

Как могла разглядеть в нем того,
С кем неволя ее разлучила, —
С кем лишь за день до плена она
Вкруг налож во храме ходила?!

18

Распознала... «Желанный! Иду...»
И — стремглав прямо в Волгу с откосу...
Волны обняли жарко ее;
Ветер треплет ей косыньку-косу.

19

Сил не стало, ей плыть, а назад
Возвращаться — и этого хуже...
«Сокол ясный, тону! Помоги!» —
Кликом кличет любимого мужа.

20

И — в последний раз очи открыв,
Увидала, что вместе с горою
К ней навстречу идет он — спешит;
И ее захлестнуло волною...

21

Скоро свиделась с милым она —
В тот же час, — да не там, где молила:
Спать его каленая стрела
В чистом поле давно уложила!

22

Утонула... Песок затянул;
Только сладить не мог он с косою:
Стала кверху всплывать — поднимать
И его из воды над собою.

23

С каждым летом коса — все длинней;
Что ни год — Волга мельче да уже;
Все теснее, тесней берега.
И никто не поймет — почему же...

24

Только старый таинственный сказ
Словно странник с клюкою, в народе
Ходит-бродит, пророча порой,
Что в грядущем, незнаемом, годе —

25

Перекинется отмель-коса
Прямо к выступу, встретится с кручей
И обнимется с нею навек:
Вспять бежать с тех пор Волге могучей!..

...Словно сдавлена Волга-река,
В оба берега бьется волною.
Справа — выступ зеленой горы;
Слева — стелется отмель косою...
И невольно, при взгляде на них,
Вспоминаешь судьбу полонянки,
Убежавшей к милому на Русь
Из-за Волги с ордынской стоянки...

ЗАБАВА

(Из романа «Гуляй, Волга!»)

День за днем идет, как трава растет. Год за годом идет, как вода течет...

Самые старые старики сказывали, будто в давних годах под тем вон горелым осокорем жил рыбак Дорофейка с дочкой Забавушкой.

Дорофейка рыбу ловил, дочку кормил. Забава пиво варила, портки на батю мыла да все на берегу посиживала — на воду глядела, воду слушала, казака-бурлака Игнашку поджидала.

И такая-то ли гожая да голосистая девка росла, — сокол спускался из-под облак слушать песню ее, и осетры выплывали со дна реки зреть на ее красоту.

А за горами в шатре с золотой кистью жил татарский державец Чарчахан. Слыл он славой и богатством, лихой был аламанщик¹, не чаял ни коней своих изъездить, ни удаль свою размякать, а вот как делу быть, и он попал в перетурку.

Объезжал Чарчахан кобылу Подыми-Голову, и вынеси она его на Волгу. Увидал татарин Забаву — ахнул. И черти в горах Соколиных, передразнивая его, ахнули. Борода его, крашенная, от радости сразу начала в кольца завиваться... Хлестнул он кобылу, залился к своему кочевью и песню басурманскую заотошил.

Наутро опять приехал:

— Молодуха, дай испить.

Девка ему и говорит:

— Лакай, Волга большая, а ковш поганить тебе не дам.

Сказала так-то да и пошла.

Поглядел ей Чарчахан вслед, крикнул:

¹ Аламан — набег.

— Айда, баская¹, со мной! Будешь кумыс пить, салму² и бешбармак³ ашать, меня целовать...

— Тьфу!

— Будешь жить со мной в хороше да в радости. Большой шатер, золотые махры...

— Тьфу!

— Подарю тебе сапожки казанских козлов — окованный носок, серебряна подковка...

— Тьфу!

— Подарю бухарский кушак с кистями, как поток...

Повела на него девка серым глазом и еще плюнула.

Урезал Чарчахан плетью кобылу свою Подыми-Голову и погнал ее во всю ноздрю лошадиную, грива стоем встала.

Не спится татарину, не лежится.

Чуть заря занялась, как бурей понесло его опять на Волгу.

— Во сне тебя видал, — говорит, а самого ровно бересту на огне ведет. — Во сне видал — смеялся, проснулся — заплакал...

— Тьфу!

— Снаряжу караван с товарами, и поедем мы с тобой из земли в землю. Ты будешь там, где буду я. И я буду там, где будешь ты. Ветра всех степей будут обдувать нас, будем пить воду из всех колодцев. Солнце поведет нас через горы и пустыни, звезды будут указывать нам дорогу. На привале мокрым рукавом ты оботрешь мне подмышки и пузо, разуешь меня, раскуришь кальян да ляжешь со мной...

— Тьфу!

— С тобой никакая беда не сокрушит меня, как ключ, бьющий из-под камня, не разрушает гору. Будешь пить со мной из одной чаши, есть от одного куска, дыхание свое мы будем смешивать в одно. Мои

¹ Баская — красивая, пригожая, нарядная.

² Салма — еда вроде лапши.

³ Бешбармак — вареное и крошеное мясо с мукой или крупой.

богатства — твои богатства. Последнее пшеничное зерно раскушу пополам и половину отдам тебе...

Вспомнила Забава бурлака Игнашку, и заиграло в ней...

— Ох, — говорит, — злее зла мне честь татарская! Откачнись, окаянный, не улещай! Мила мне моя сторона русская. Никуда я с Волги не пойду, не поеду.

Раззадорился Чарчахан:

— Подыму народы свои, велю рыть новое русло и Волгу, как верблюда за повод, поведу за собой в пески Монголии, и куда бы мы ни заехали — Волга, сверкая, покатится у наших ног...

Много чего он сулил — не сдалась девка на его упросы.

Уехал — туча тучей.

Малое время спустя налетела на рыбачий стан татарва. Рыбака Дорофейку с камнем на шее метнули в омут раков ловить, а Забаву уволокли с собой.

— Корись! — говорит Чарчахан. — Корись, девка, силе и славе моей.

Девка ухом не ведет и отвечает:

— За стыдное и за грех почитаю некрещеного любить.

И стала она просить, чтоб отпустил ее.

Долго думал Чарчахан и выдумал:

— Пущу тебя на вольную волю, коли сделаешь, что велю.

— Загадывай.

— Видишь озеро! Перетаскай его ведрами в Волгу, и тогда пущу тебя.

Согласилась Забава.

День за днем идет, как земля гудет. Год за годом идет, как метель метет...

Бурлак Игнашка то ль в гульбу пошел, то ль аркан азиятца увлек его в дальнюю сторонку.

Забава протоптала через гору тропку в человеческий рост. Птицы склевывали ее слезы, ветер раздувал тоску. Она стала старухой, пока таскала озеро.

Чарчахан в те поры кочевал с ордой на Иргизе-

реке. Ему сказали — не поверил. Приехал и, дивясь, зашел в заросшее травой сухое озеро.

И вот — каждому на рассуждение, кто хочет верит, а кто и нет — поднялись все слезы, выплаканные девкой, и в них утонул татарский державец...

Д. Н. Садовников

УСОЛКА

При Грозном на Волгу, к подошве холмов,
Точивших соленую воду,
Сошлись поселенцы на выгодный зов,
Почин положили заводу.

Срубили жилье, окружили стеной,
И скоро возник городок соляной
На дальней границе востока,
Где степь расстилалась широко.

Усолье росло: заезжали купцы,
Рабочие шли на варницы;
Приставлены царские были стрельцы,
И пушки глядели в бойницы.

Нередко в долину с соленой водой
Сбегались кочевники дикой ордой,
Скакали по русскому полю,
Людей уводили в неволю.

Кругом еще лес был да темени гор;
Пониже — селенье и пашня,
А самый высокий венчала бугор
В лесу караульная башня.

Чуть ночью по степи затопают конь,
На ней зажигали сигнальный огонь,
И местные жители знали,
Что надо готовить пищали...

По старым рассказам, в Усолье жила
Одна богатырка в то время;
Она от Усоля на степь угнала
Ногайское хищное племя.

Шло время... Седела, теряла глаза
Поселка защита, ногайцев гроза,
Могучая сила сбывала...
Усолье ее забывало.

Смеялась недавно над ней молодежь:
«Куда тебе, бабушка, драться?
На старости лет ты с коня упадешь,
Пора на покой убираться!»

Кто знает, сердилась старуха иль нет;
Но только ни слова усольцам в ответ
На это она не сказала,
Чему подивились не мало.

Покойно и мирно тянулись года
По милости страшной Усолки;
Татарских коней не видать и следа,
Замолкли тревожные толки.

Но горе застало Усолье врасплох;
В осеннюю ночь загорелся сполох,
Не даром такая тревога:
Ногайцев нахлынуло много...

Покинули полчища диких татар
Степей кочевое раздолье;
Потоптаны нивы; и скоро пожар
Осветит родное Усолъе!

Из города выслана малая рать
Ногайскую силу в леса отогнать;
А с ней заодно отряжены
И девки, и мужние жены.

Дрались поселенцы... Оружия стук
Взлетал до лесистых верхушек;
Стрелу отпускал туго стянутый лук.
Рубились, палили из пушек.

Кровавая битва была горяча,
А сила росла, как в степи саранча,
И дрогнули наши средь поля:
Ждала их недобрая доля.

Тут стало понятно толпе удалцов,
Кого на бою не хватало...
Усолка в обиде: за несколько слов,
Быть может, все дело пропало!

В былые года у ней сила была;
Недаром она богатыркой слыла,
И сильной и грозной недаром
Была она хищным татарам.

И вот старшины отрядили гонцов;
Должны они были в поселке,
Сказав в извинение несколько слов,
Подмоги просить у Усолки.

Быть может, ее неожиданный вид
Усталые силы людей оживит;
Давно уж ее не видали
С клинком из сверкающей стали.

Приходят гонцы и старухе поклон
С почтеньем отвесили низко:
«Спаси от ногайца — отступится он
И после не сунется близко!»

Прости нам обиду, тряхни стариной;
Все дело теперь за тобою одной...
Родная, забудь свое сердце —
От нас отгони иноверца!»

Ответ им держала Усолка такой:
«Забыть не могу я обиду,
Ищите себе вы подмоги другой,
На выручку к вам я не выду!»

Пришли над старухой смеяться больной?
Что! Мало вам места за этой стеной?
Где сабли у вас и пищали?
Иль порохом вы обнищали?»

Тем временем длился отчаянный бой
И стоном стонала дубрава...
Усолицы к стенам отступали гурьбой,
Рубясь и влево и вправо.

Сверкал меж деревьев их пищальный огонь;
Валился татарин, и пятился конь...
Ногайская темная сила
Усолицев кругом обступила...

Недолго продержится русская рать,
Зато уж отдастся не даром,
Хоть будут тела ее лес устилать
И все истребится пожаром;

Но каждый усалец зараней решил
Сражаться, пока хватит духа и сил:
От бога одна лишь помога:
Их мало, а нехристей много.

Гонцы богатырку просили опять...
В тревоге сидела старуха:
Стал топот татарских коней достигать
Ее прежде чуткого уха...

«Прости неразумных, не наша вина...
Нам горькая доля теперь суждена,
Забудь ты обидное слово —
Спаси от татарина злого!»

«Стара я для боя, куда воевать
И лезть на кровавую драку!
Пора обо мне позабыть вспоминать,
Как дохлую бросить собаку...

Заржавела сабля, ступилось копьё —
В груди улеглось ретивое мое...
У вас молодая есть сила,
А мне уж моя изменила...»

Сердилась Усолка, но слезы людей
Ее победили — смягчилась;
Взыграла вся кровь богатырская в ней.
Вся старая удадь забилась...

«Давайте коня! Где мой конь боевой?
Давно не слыхала его под собой!
Проклятым татарам навстречу
Я кинуся в самую сечу!»

И выведен был застоявшийся конь
С густой серебристою гривой;
Из камня ногой высекал он огонь,
Мотал головою красивой.

Высоко ходила могучая грудь,
И фыркал скакун, собираясь в путь
На хищные орды Ногая,
Себе седока поджидая.

Выходит Усолка, завидев коня;
Ремень-опояска у стана;
И в древко копыа ударяют, звеня,
Ножны вдоль ее сарафана.

На стремя ступила привычной ногой;
В одной руке сабля и пика в другой;
И с гиком пустилася лётom
К широко раскрытым воротам.

И по полю конь богатырку понес...
При виде могучего взмаха,
При виде седых и растрепанных кос
Враги ошалели от страха.

«Скачи, без разбора ногами топчи
Проклятую силу степной саранчи!»
В крови накопились досыта
Коня боевого копыта.

К усьольцам вернулася прежняя мочь,
Отвага в глазах засверкала,
Рубились, пока не подкралася ночь;
Татар положили немало.

Везде впереди богатырка была;
От страшных ударов валились тела
Кровавою грудой на груду...
Ногайцы бежали повсюду.

Бежали к горам, и никто их потом
Не видел на этой равнине;
То место же, где был татарский погром,
Все «Сечей» зовется и ныне.

И память о той богатырке жива!
Ее сохранила людская молва...
Так билися в старые годы
За право труда и свободы.

Н. Д. Телешов

ЖИВОЙ КАМЕНЬ

Марийская легенда

Зимою среди белоснежной пустыни, а в летнее время среди зелени веселых полевых цветов возвышается над тихой речкой утес — Живой Камень.

Не всегда, однако, бывало так пустынно вокруг него.

В давно минувшие времена здесь были большие селения черемисского народа¹, и жил среди них могучий и славный богатырь по имени Чумбулат. Че-

¹ Раньше марийцев называли черемисами.

ловец он был простой, трудолюбивый и тихий в обычное время, но, как только неприятель угрожал нападением на родную страну, богатырь поднимался на ее защиту. Верхом на буром коне с косматой белой гривой, вооруженный с головы до ног, Чумбулат выступал впереди своего народа, непобедимый и грозный, и всякий раз быстро сокрушал врагов и обращал их в бегство.

Долго жил богатырь на свете, оберегая свою родину и народ, но пришла и ему пора умирать. Собирались вокруг него черемисы, плакали и скорбили о нем, а он утешал их:

— Не бойтесь. Я никогда не дам вас в обиду. Когда плохо придется, когда самим вам не справиться с неприятелем, подойдите тогда к моей могиле и скажите громким голосом: «Вставай, Чумбулат! Враги у ворот!». Я встану тогда и обороню вас.

С этим и умер Чумбулат.

Торжественно похоронили черемисы своего богатыря в каменной крути в полном вооружении, какое надевал он на битву; похоронили вместе с бурым конем его, белохвостым, с косматой гривой. В каком виде выступал он, бывало, против врагов, в таком и похоронили его. Справили по нем богатые поминки и долго оплакивали тяжелую потерю:

— Не стало среди нас великого Чумбулата! Нет с нами нашего богатыря!

Шло время. Все было благополучно, и мало-помалу Чумбулата начали забывать. И забыли бы о нем, может быть, совсем, как вдруг появился сильный враг и начал окружать черемисов непролазным кольцом. Вспомнили они тогда о своем богатыре, побежали к скале, к могиле его, и стали громко звать на помощь:

— Вставай, Чумбулат! Вставай: враги у ворот!

И дрогнула каменная круть, раскололась надвое, и появился из темной расщелины Чумбулат на коне своем, в кольчуге и шлеме, со щитом на руке, с копьем у стремени, с мечом над головой. Бросился он на чужих, колол, рубил и топтал обезумевших

от страха врагов и быстро обратил в бегство неприятельское войско. А когда опасность миновала, Чумбулат, ни на кого не взглянув, молча вернулся к своей скале, снова замкнулась она за ним и поглотила его вместе с конем.

Много времени прошло. Когда наступала беда, всякий раз Чумбулат выручал свой народ, и никакой враг не был страшен черемисам.

Подсмотрели однажды ребяташки, как старшие вызывали на помощь себе Чумбулата. Начали они играть в войну, подбежали к скале и давай звать богатыря:

— Вставай, Чумбулат! Враги у ворот!

Дрогнула скала. Выехал Чумбулат на коне, в полном вооружении. А неприятеля нет. Ни направо, ни налево — нет никого. Повернулся тогда богатырь и молча поехал обратно к горе и исчез в ней.

Ребятишкам это понравилось. Сколько было и страху и хохоту и сколько потом всяких рассказов!

Стали опять играть в войну и опять вызвали Чумбулата.

Выехал снова на их зов богатырь. Не видя опять врага, он нахмурился и сердито повернул коня обратно.

Мало и этого показалось мальчишкам. Они в третий раз вызвали богатыря:

— Вставай, Чумбулат! Враги у ворот!

Затряслась земля. Со страшным грохотом разверзлась гора, и выехал оттуда разгневанный Чумбулат с мечом над головой. И конь с пеной у рта взвился на дыбы — только бы ринуться в битву. А неприятеля и в помине нет. Только окрестные черемисы в ужасе сбегались на грохот.

Увидел их Чумбулат и крикнул им:

— Не цените вы моих трудов, черемисы! Я вас спасал от всякого врага, а вы надо мной потешаться начали, понапрасну меня тревожить! Помните: ухожу теперь от вас навсегда!

Опустил Чумбулат свой победный меч, повернул коня и скрылся в скале.

Не стало с тех пор у народа защитника. Начались войны, и некому было заступиться за черемисов.

Молчалив стал и тих серый утес над рекой; оброс он снизу мохом и травой, где шелестят иногда ящерицы, а на вершине его садится отдыхать дикий ворон.

Но не пропала надежда у черемисов. Камень таит в себе живую силу. Настанет время — забудет Чумбулат обиду и защитит народ свой от всякого врага.

Потому и зовется этот камень Живым, что жива за ним великая сила и в народе не умирает вера в счастливое будущее.

СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН

Из-за матушки за Волги,
Со широкого раздолья
Поднялась толпой-народом
Сила русская сплошная,
Поднялась спокойным строем
Да как кликнет громким кличем:
«Добры молодцы, собирайтесь —
С бела моря ледяного,
Со степного Черноморья,
По родной великой Руси,
По Украине по казацкой!
Отстоим мы нашу землю!
Отстоит мы нашу волю!
Чтоб земля нам да осталась,
Воля вольная сложилась,
Барской злобы не пугалась,
Властью царской не томила!»

Н. П. Огарев.

ДАЛЕКО, ДАЛЕКО СТЕПЬ ЗА ВОЛГУ УШЛА

Народная песня

Далеко, далеко степь за Волгу ушла.
В той степи широко буйна воля жила.

Часто с горем вдвоем, и бедна и вольна,
С казаком-бурлаком там водилась она.

Знать, в старинный тот век жизнь не радость была,
Что бежал человек из родного села,

Покидал отчий дом, расставался с женой
И за Волгой искал только воли одной.

ЗАВЕТ БОРИСЛАВЫ

Предание

Задолго до того, как на Волге-реке объявились дружины Стеньки Разина, родилась тут, у самых жигулевских круч, русская богатырша. Отец с матерью нарекли ее Бориславой.

И до этого были на Руси богатырши и красавицы. Но такой, как Борислава, дочь крестьянская, никто отродясь не видывал. Сватались к ней и князья вельможные, и сынки боярские, и купцы заморские. Да Борислава и глядеть на них не хотела. А того, кто продолжал домогаться, по пятам за ней ходить, вызывала на поединок. И при всем честном народе говорила:

— Кто меня поборет, за того и замуж выйду...

Только не было тогда витязя, равного ей по силе. Всех она наземь валила, как колос в поле.

Наезжали из-за Волги свирепые степняки, чтоб полонить волжанку. Тогда Борислава скликала русских людей из окрестных сел. Сходились и съезжались они из окрестных сел. Сходились и съезжались они из Услады и Старого Буяна, из Бинарадки и Большой Царевщины. Кто с копьем, кто с дубьем. И в ратоборстве великом прогоняли прочь жадных чужеземцев.

Ровно мать родную, любила Борислава Волгу. Собрется да пойдет себе по берегу — то вверх, до Валдая, то вниз, до моря. Встретит доброго человека, последним куском поделится. А попадутся в пути бурлаки, непременно пристанет к ватаге. Накинет на себя бечеву и вместе с мужиками будет день за днем тащить тяжелую расшиву. И вместе с ними будет петь в пути, так звонко и голосисто петь, что подпевать ей готовы не только люди, но и леса, и горы.

Нагляделась Борислава на людское горе, наслушалась разных жалоб да песен заунывных, и переполнилось ее сердце чужими болями. Ушла она как-то в

Жигулевские горы, чтоб наедине обо всем пораздумать. Да и там не нашла ни утехи, ни радости.

А когда вернулась домой, тут ее уже поджидали. Да не кто-нибудь, а слуги самого царя. Оказывается, и он прослышал про волжскую красавицу богатыршу. И велел слугам звать ее к себе в терем. А не пойдет подобру-поздорову — взять в полон и силой привезти в столичный град.

Но не сдалась Борислава на царскую милость. Не испугалась угрозы. А кликнула верных людей и прогнала царских слуг, как псов степных. Распрощалась потом с отцом, с матерью, низко поклонилась Жигулям и подалась вниз по Волге.

Вместе с молодцами, любившими волю пуще самой жизни, ушла Борислава на шатких стружках сквозь хвалынскую Украину, через сине море в широкие степи, в далекие горы. Повоевала она с храброй дружиной множество городов и сел, вывезла из басурманского края несметные сокровища. Воротившись в родные пределы, захоронила сокровища в Жигулях, под скалистым курганом. И завет свой положила:

«Не видать камням самоцветным, парчам драгоценным и чистому золоту света божьего, доколе не народится на Руси богатырь, который рассечет булатным мечом цепи неволи. А как только явится такой богатырь, как только вызволит свой народ, курган заповедный сам перед ним раскроется. И будут ему в награду все те сокровища, которые захоронила русская богатырша Борислава».

ВНИЗ ПО МАТУШКЕ ПО ВОЛГЕ

Народная песня

Вниз по матушке по Волге,
По широкой реке долгой,
Поднималась погода,
Погодушка немалая,

Немалая, волновая,
 Ничего в волнах не видно,
 Одна лодочка чернеет,
 Только парусы белеют,
 На гребцах шляпы чернеют,
 Сам хозяин во наряде —
 В черном бархатном кафтане.
 Уж как взговорит хозяин:
 «Нуте, грянемте, ребята,
 Вниз по матушке по Волге!
 Приворачивай, ребята,
 Ко крутому бережочку!..»

УЖ ВЫ, ГОРЫ, ГОРЫ ЖИГУЛЕВСКИЕ

Народная песня

Уж вы, горы, горы Жигулевские,
 Ничего-то вы, горы, не породили.
 Спородили да вы, горы, бел горяч-от камень,
 Из-под камешка бежит речка быстрая,
 Как название да этой речке было Волга-матушка.
 Широко ли ты, Волга, разливалась,
 Потопила Волга все горы, все горы и доли,
 Оставляла Волга част ракивов куст,
 Как на том-то кусту да свито гнездышко,
 Во этом гнезде-то млад ясен сокол,
 Высоко да высоко сокол сидит да далеко глядит,
 Далеко глядит да во чисто поле,
 Во чистом поле да все чистехонько,
 В зеленом поле зеленехонько.

МАНЧИХА

Сказ

Давным-давно это было. Жигулевские горы еще Яблоневыми звались. Диких яблонь было столько, что волжские берега казались садом сплошным. И всякие звери водились. А вот людей тут жило мало. Боялись разбойников. Молва ходила, будто они костры разводили да горящими вениками пленных жгли — за то и называли те горы Жигули...

В горах на берегу Волги избушка ветхая стояла. Жил в той избушке рыбак Андрей Сомов. Был он стар. Голову, брови и бороду словно снегом занесло. Многие и звали его Белым Дедом, но больше — Андреем Чихой. Может, прозвище шло от того, что нюхал он табак да чихал шибко, а может, от другого — дед беззубый был и слово «тихо» не мог правильно сказать, получалось «чихо».

С дедом жила его внучка Маня. Шел ей тогда десятый годок. Во всем она деду помогала.

Мало кто не бывал у Андрея Чихи. Захаживали и охотники, и разбойники, но чаще всего бурлаки делали привал. Дед им подносил по чарке да расспрашивал, как поживает народ в других краях.

Как-то раз ушел дед в лес, а Маня одна осталась. Сидит на берегу и рубаху деду чинит. Вдруг взглянула на Волгу и заволновалась. Барку тянули бурлаки... А деда вот нет. Крикнула было, да нешто услышит он в лесу... И решила Маня сама встречать гостей. Хотела заварить уху, да рыбы не оказалось. Тогда она спустилась в погреб, чтоб достать вина. Дед Чиха сам его варил из диких яблок.

Наполнила Маня вином два кувшина. А чтобы бурлаки послаще закусили, решила отдать им малину, что в лесу насобирала. Приготовила все для гостей и на берег вернулась.

А барка уже совсем рядом.

— Здравствуйте, бурлаки! Милости просим...

— Ладно, красавица, спасибо за приют, — ответили люди. — А где же дед Чиха?

— Вот-вот придет, — сказала Маня и побежала в избушку за вином.

— Благодарствуем, дочурка, — сказал бурлак с широкой черной бородой.

Взял он у Мани вино и начал потчевать своих. Люди выпили оба кувшина, потом еще два с баржи принесли и тоже опорожнили. Прилегли они на землю и тут же заснули. Маня тихонько, чтобы не разбудить их, подошла к бурлацким лямкам и стала разглядывать людские хомуты. Заметила подле лямок рваные рубахи волгарей и решила наложить на них заплаты. Починила одну рубаху и собралась было за нитками в избу, да окликнул ее чернобородый:

— Подь-ка сюда, дочка!

Подошла Маня, и так хорошо ей стало, что назвали дочкой.

— Не надо, не трудись, — говорит бурлак. — Заплаты не помогут, рубахи-то ведь гнилые. Присядь-ка лучше. У меня тоже есть красавица такая: волосы как лен, а глаза — что сине море. Давно не видал я ее. Как звать тебя?

— Маней.

— И моя дочь Маня, точь-в-точь как ты: хорошая и добрая. Садись-ка рядышком со мной.

Присела Маня. А чернобородый ей свое:

— Вот видишь, какая жизнь наша. Не можем купить себе рубахи, так в лохмотьях и шагаем, да и лапти рваные у всех. Один вот, как волк, живу, а семья дома голодает. Болит душа по ним, дюже болит. А про своего отца знаешь?

— Нет, — ответила Маня. — Ни отца, ни матери не знаю. У дедушки я расту. Он обещает сказать мне об отце с матерью, когда буду большая. А где они, дядя?

Не сразу ответил чернобородый.

— Трудно придумать, дочка. Может, на заработки ушли, а может, сидят в остроге аль в неволе у

господ. Нет еще на земле той яблоньки, чтоб ее черви не точили... Отца-то как звали? — спросил он.

— Василием, — ответила Маня. — Встречал, по-ди, такого, дядя?

— Мало ли Василиев по Волге бурлаками ходят, — ответил чернобородый.

— А тебя зовут как, дядя?

— Петром. Петром Светловым, а сам я, вишь, черный весь, ни единого пятнышка светлого-то нет.

О многом хотела Маня расспросить Светлова, да кормщик помешал. Отдыхал он на барке и на берег не сходил — поди, боялся за товары. Протер глаза и давай на бурлаков кричать:

— Эй, подымайсь! Пора к отвалу. Живей!

Начали бурлаки нехотя натягивать лапти, обматывать онучи оборами. Ежились от холода, когда входили в воду. Маня не отставала от Светлова. А когда барка сдвинулась с места, крепко уцепилась Маня ручонками за лямку чернобородого и стала ему помогать.

— Не трать, дочка, силу. Ой, как много ее понадобится тебе. Ступай к избе и деду поклон передай. Ну, прощай, расти большая...

Вернулась Маня к избушке вся в слезах. Может, и ее отец такой несчастный. Плакала она и думала: «Дядя Петя добрый, и у него такая дочка Маня, может, он мой отец».

Дед Чиха лишь к вечеру домой пришел. Узнал от Мани, что бурлаки привал делали, и забеспокоился, не сказал ли Петр Светлов Мане об отце...

Быстро летело время. Кончилось лето, зима настала... И снова лето. Маня и не заметила, как год прошел. Исполнилось ей десять лет. Дед платье красное купил, сплел лапти и две ленты для косы принес. Но не обрадовалась Маня подаркам. Еще пуще загрустила.

Вздохнул дед:

— Пора настала тебе правду сказать.

И стал рассказывать дед... Его сын, а Манин отец Василий работал бурлаком у купца Хвалыни. Тянул

барку с тем чернобородым, что Маня посчитала за отца. Как-то готовили барку под груз. Бурлаки мыли и чистили ее. Василий вычерпывал воду из трюма и обронил в Волгу ведро. Заставил купец достать его. Долго нырял Василий, а ведра все не находил. Пригрозил купец Василию: не достанет ведро — десять плетей получит на спину. Еще нырнул Василий да так на дне Волги и остался. Вытащили его бурлаки, качали долго, да понапрасну, так и не ожил...

Слушала Маня деда и не плакала, а только крепко сжала кулачки. Когда ж дед умолк, про мать свою спросила.

— Жива ли теперь она, не знаю,—отвечал дед.— А случилось с ней горе не меньшее. Красавица была твоя мать: высокая, синеглазая, а силы да смелости хоть отбавляй. Бывало, и ветер с бурей ей нипочем. Волга шумит, гудит и косматыми гребнями лодку бьет. А она зазябшими руками убирает снасти, потом лодку правит на волны и их острым килем режет. Вернется на берег веселая такая, рыбы полна лодка, и сеть цела. Развесит сеть сушить и к зыбке твоей прильнет да песню запоет. А как певала!..

— Мама тоже утонула?

— Нет, иная беда приключилась. В тот день Алена в город ходила. По дороге ей встретился какой-то князь. Ехал в коляске золоченой, по бокам бежали слуги, мошкарку гоняли от него да дорогу цветами устилали. Мужики подгорские тоже были там. Лес они рубили, чтоб дорога шире стала. Завидел князь Алену и велел остановить коней. Ведала твоя мать, что для князей и бар закон не писан: кого хотят — полюбят, кого хотят — погубят. Ну и кинулась она бежать. Да нешто от слуг князевых уйдешь? Что гончие собаки, поймали ее и к князю поволокли. Показалась ему краса Алены, и взял он ее себе в служанки. С той поры и нет у тебя матери. Прошло уж восемь лет, а от нее ни слуху ни духу, поди, и в живых-то нет. Уж больно непокорна была. Прогневался, видно, князь и в монастырь ее отправил, а то и руки могла на себя наложить.

Дед умолк. Маня плакала. Потом вытерла слезы, встала, посмотрела на Волгу и громко сказала:

— Когда вырасту, не жить князьям да барам!

У избы как-то опять сделали бурлаки привал. Был там и чернобородый. Когда же бурлаки собрались в путь, Маня и молвит деду:

— Хочу и я в бурлацкой лямке походить. Пойду с ними маленько вверх по Волге, а оттуда спущусь на лодке да хорошенько огляжу горы.

И как ни отговаривал ее дед с Петром Светловым, настояла на своем. Привязала к корме барки свою лодку, сама впряглась в лямку и с бурлаками по берегу пошла. Верст пять так шла, а потом на лодке домой вернулась.

— Тяжело им, бедным, дедушка, — рассказывала Маня. — Кабы силу я имела, то запрет такой дала б — людьми барку не тянуть...

— Добрая у тебя душа, Манюша. Да только и пользы людям, что словом пожалеешь их.

Прожили Маня и Андрей Чиха в своей избе еще года два. А тут хлопот прибавилось. Атаман разбойничьей шайки к деду со своими сватами приехал. По сердцу пришлась ему волжанка молодая. Сам он тоже молодой был, высокий, черноглазый, и силы хоть отбавляй: огромные деревья срубал одним взмахом. Нравился Мане атаман, да не казались дела его: грабежи и убийства. Потому дала она атаману такой ответ:

— Муж мой не должен быть разбойником.

Скривил атаман лицо, потрогал рукою саблю и долго глядел на Маню. А потом сквозь зубы процедил.

— Тогда ладно. На себя пеняй.

Быстро вышел он из избы, прыгнул на белого коня и помчался в горы. Едва успевали за ним сваты.

И снова дед и внучка по-старому зажили, да ненадолго. Ослеп дед Андрей. Как-то ушел в лес и заблудился. Маня пошла искать его и тоже не вернулась. Мужики села Подгоры говаривали, будто Андрея Чиху с его внучкой медведица растерзала...

Осиротела избушка деда Чихи. Никто уже не заходил в нее, и бурлаки не делали здесь привал. Проходили все мимо знакомой избушки и добрым словом деда с внучкой вспоминали, думая, что нет их больше в живых.

А деда Андрея и внуку разбойники к себе забрали.

Женой атамана Маня не стала. Уж чего только он ей не сулил: и золота, и серебра, и всякого другого богатства. Да только не соглашалась Маня:

— Не нужно мне ни золота, ни серебра. Хочу быть я вольной волжанкой.

Злился атаман на такую непокорность. Для других он был властелин — что ни скажет, все по его сделают...

А у Мани думка была самой атаманом стать, да не таким, как ее жених, а бедных защищать. Мало-помалу птичка гнездо свивает. Так и Маня. Жила в шайке, училась верхом на коне скакать и саблей владеть, за что и заслужила у разбойников уважение...

Прожили так дед и внука год с лишним. Но вот дед захворал. Сидела Маня возле него да горько плакала. Перед вечером Андрею Чихе легче стало. Подозвал он к себе внуку:

— Хорошо, Манюша, ведешь ты себя. Будь и наперед такой. Бедный народ любить надо. Тогда люди тебя вовек не забудут.

Сказал и улыбнулся. Только не развеселил этим внуку. Понимала она, что деду полегчало перед смертью. Так оно и случилось. В сумерки Андрей Чиха распрощался с белым светом...

Через неделю атаман сам к Мане пришел и о свадьбе разговор повел. Слушала, слушала она, потом головой покачала:

— Я о поминках думаю, а ты мне о свадьбе. Даже басурманы не поступают так...

Еще месяц прошел. Хотел однажды атаман сызнова о свадьбе разговор завести, да побоялся, а потому начал издалика:

— Долго будешь хлеб есть задаром?

— Коль жалко, отпусти на волю, — ответила Маня.

— На волю не отпущу, а дело дам.

— Доброе возьму, а о лихом и слушать не стану.

— Померяемся силой, тогда видно будет.

Уговор атаман выставил такой: коль в чем слабее окажется Маня — станет его женой, а не захочет такого счастья — рабыней в шайке будет жить.

На все согласилась Маня.

Стали они меряться силой. И на конях вперегонки скакали, и саблями деревья рубили, и волков лихо гоняли. А только Маня ни в чем атаману не уступала. Тогда он заставил ее Волгу переплыть. И на это Маня согласилась. А день был ветреный, река шумела и бурлила. В такую непогоду боязно на Волгу глянуть.

Знала Маня, что атаман испугом хотел ее взять, да нисколько не страшилась...

Повелел атаман всем разбойникам в полдень собраться, а его с Маней на луговой берег переправить. Да строго-настрого наказал наблюдать: когда Волгу переплывать они будут, подмоги ни тому, ни другому не давать.

Настал полдень. Маню с атаманом, как уговорились, доставили на луговой берег. Сидели они рядом. Атаман то и дело курил да поглядывал на Маню, видать, ждал, что откажется она через Волгу плыть. А Маня молчала и даже не глядела на него. Тогда он и говорит:

— Люба ль тебе моя шутка?

Не сдавалась Маня:

— А я к шуткам не привыкла.

— Ладно, — сказал он громко, а потом добавил потише: — Коль станешь тонуть, крикни мне. Спасу.

— А я тебя спасать не стану, так и знай...

Захохотал атаман, потом свистнул так, что люди слышали на жигулевском берегу. Махнули оттуда белым платком, дескать, можно начинать.

Сначала атаман Маню обошел и уже на середине

Волги был. Маня медленно плыла, словно в шайку возвращаться не хотела. А только увидели скоро разбойники другое. Маня была впереди, а атаман захлебывался водой. Еще прошло немного времени, и вышла усталая волжанка из воды. Еле на ногах держится. Лицо бледное, измученное, глаза ввалились и будто еще синее стали.

— Спасайте атамана, — говорит, — утонет он.

Кинулись в Волгу два разбойника, лихих пловца, спасать атамана. За волосы его приволокли, на берегу принялись откачивать. Поздно!

По закону шайки ему уж камень готовили на шею, чтобы бросить в Волгу. Да Маня отменила закон этот. Велела вырыть могилу подле палаты и с почестями атамана похоронить, крест дубовый поставить и цветы вокруг могилы рассадить.

Когда схоронили атамана, собрала Маня всех разбойников. Много их было. Из разных мест пришли, но больше из волжских деревень. Все бежали от господ да оброков, так и сказывали: «Нечем платить долгу — побегу на Волгу».

Оглядела Маня разбойников и сказала:

— Так вот, атаманом вашим буду я. Может, кому и не по нраву, что командовать вами будет баба?

— Аллах с тобой, Манчиха, — ответил за всех один разбойник из татар, Мурзаев. — Покойный атаман и то соглашался. Мы рады тебе служить...

Долго Маня глядела на него. Все понять хотела, смеется он аль правду говорит. Потом обратилась ко всей шайке:

— Тогда слушайте меня. Отныне шайка наша будет вольницей, а вы все — казаками. Коль со мной кто не согласен, может уходить...

Молчали разбойники. Опять оглядела всех Маня:

— Ну, есть такие?

— Нет, красавица, таких, — ответил за всех разбойник с Дона. — Как дело поведешь, так оно и будет.

— Вот и ладно. Только я не красавица. Манчиха, как сказал Мурзаев, и атаман я у вас.

Улыбнулись тут все, дескать, и вправду Манчиха — строгая, с такой дела пойдут...

А Манчиха стала расспрашивать, как хозяйство ведется да оружия сколько. Не забыла и о казне узнать. Порасспросила обо всем и отпустила людей. А на прощанье сказала:

— Помяните сегодня атамана, отдохните, а завтра — за дело...

И устроили казаки поминки атаману. А Манчиха набрала маленький букет цветов, присела к могиле атамана и задумалась.

Долго она так сидела. Над Волгой да над горами ночь спустилась, а она все не уходила. Думала, какие барские поместья грабить и в каких селах бедным помогать... Подумала и о чернобородом Петре Светлове.

И когда уже стала заря заниматься, Манчиха прошла в атаманскую палату. Разобрала постель, а спать так и не ложилась, все думала. И хорошо, что не уснула.

На рассвете в ее палату пробрался разбойник. По телу мурашки пробежали, да не выдала Манчиха своего страху, не вскочила. Лишь спросила строго:

— Зачем пожаловал, непрошенный гость?

Не ответил разбойник, дышал он тяжело и злыми глазами мерил атамана, зная, не с добрым делом явился. Поднялась Манчиха и сызнава ему вопрос, да погромче:

— Зачем явился? Случилось что, Клим?

— А ты шибко не кричи, — шепчет он, — разбудишь шайку. Хочу я с глазу на глаз вести с тобой беседу.

— Иди, Клим, проспись, а завтра потолкуем.

— Не пьян я. Не пил за атамана, чтоб помянуть его твоей кровью.

— Непонятны мне твои слова, — говорит Манчиха, а сама саблю берет.

— Врешь, поняла. Иль я тебе голову срублю — и ты не будешь других мучить, иль ты мне голову снесешь.

Вынул разбойник из ножен саблю, расставил ноги и покрепче стал на ковер.

— Ты погубила атамана. Из-за любви к тебе он утонул. А ты колдунья, и тебя русалки от бурливых волн спасли. Да и шайку ты околдовала, чтоб погубить всех до единого. Будем же драться. А не хочешь биться, откажись от атаманства, и я тебя живой выведу отсюда.

Манчиха тоже обнажила саблю.

Бились они у самых дверей палаты. Клим все пятился, пятился назад да так и вылетел на волю. А когда Манчиха из его рук выбила саблю, упал он к ее ногам и стал пощады просить. Наступила она ногой на спину Клима и хотела было сказать, чтоб разбойник об этой схватке другим рассказал, да услышала тут дружный хохот шайки.

— Спасибо тебе, Манчиха, что не поддалась страху...

— Слава тебе, наш атаман!..

Подняла Манчиха глаза, а разбойники перед ней ниц пали и просили Клима пощадить:

— Мы повинны в затее, метнули всей шайкой жребий, и ему выпал он.

Вскоре о вольнице знали в Жигулях все от стара до мала. Не раз в селах видали вольных казаков, что бедных одаривали. А вот атаман-бабу никто еще не встречал. Потому и всякая молва о ней шла в людях. Одни сказывали, будто атаман — старуха, вся седая и в черном, как монашка. Другие толковали, будто атаман вольницы — волжанка, молодая, красивая, какие бывают только в сказках. Ходит она в широких казацких шароварах, красном кафтане из парчи и в такой же красной шапке. Даже конь ее, и тот красной масти.

В той молве все было правдой. В разные наряды Манчиха наряжалась. Когда разбойники на барские поместья нападали, она являлась старухой, во всем черном, в седом парике, страшная, словно смерть. А в стане у себя да среди бедняков и красотой и добротой брала...

Сказывают, как-то раз она во всем красном приехала на Волгу бурлаков встречать. Оставила казаков в лесу вблизи своей избушки, а сама к дедовой могиле подошла. Встала на колени и низкий поклон праху деда отдала, а потом не спеша в избу вошла. Все там было родным и детство напоминало. У почерневшей стенки деревянная кровать стояла, тут же на боку лежала скамейка деда, на которой он всегда сидел да лапти плел, а под ней кочедык валялся. И вспомнилось сразу детство ей, как сиротой росла...

Да не пришлось Манчихе долго думать. Услышала она от своих казаков сигнал: барка купеческая к избушке подходит. Бурлаки, как и прежде, лямками ее тянули и стонали.

Вспомнила Манчиха, как в детстве зазывала бурлаков к избушке, и давай кричать:

— Приворачивай сюда!

Не поверили бурлаки своим ушам. Уж сколько лет они у избушки не отдыхали, думали, деда с внучкой нет в живых. И вдруг внучка деда Чихи живая да нарядная такая...

— Манюша! — обрадовался Светлов, — ты ли это, дочка?

— Я, дядя Петр. Я, отец, я...

Обняла она чернобородого, поцеловала. Да только Светлов уж поседел и весь согнулся. Замигал он слезливыми глазами:

— Какая большая ты стала. А дед Андрей, поди, помер.

Показала Манчиха на дубовый крест и с глаз слезы смахнула.

— Где же ты теперь живешь, Манюша?

— А вот увидишь скоро. Отдыхать прошу всех ко мне в горы.

Услышал это кормщик и лицо скривил. Ведь в барке не рыба — товар, а персидские шелка.

— Отдохнем мы там, где надобно будет, — говорит он Манчихе. — А ты иди-ка своей дорогой, молодуха.

Засмеялась Маня:

— Пугаешь? Ну что ж, я пойду, да только со мной уйдут и все бурлаки. Барку я опорожню, готовься сдавать товары.

— Не гневайся, сударыня, но нам некогда шутить.

— А я и не шучу.

Когда сгрузили товары и навьючили их на коней, Манчиха бурлакам и говорит:

— Вот и у вас будут новые рубахи, а то на ваши гнилые даже нельзя заплатки класть. Да и мужиков надобно одеть, они тоже в лохмотьях ходят...

Пояснила Манчиха бурлакам, кто она, и стала звать к себе, в вольницу. Ну, а тем, кто по домам уйти захочет на дорогу денег обещала.

— А что делать с ним, — указала она на кормщика, — рассудите сами. Коль верный пес господский он и мучит людей, то собаке собачья смерть — камень на шею и в Волгу.

— Пес-то он пес, — говорит Светлов. — Да пусть поживет и другим расскажет, что бурлаки тоже люди.

— Согласны так? — спрашивает Манчиха.

— Да, — отвечают бурлаки. — И согласны твоими вольными казаками быть...

Встретились казаки и бурлаки как братья. По русскому обычаю поклонились друг другу и трижды поцеловались. То была клятва в дружбе жить да биться с богатеями, ни силы, ни жизни не щадить.

После обеда веселье началось. И Манчиха песню затянула, ту, что еще мать ее певала:

При долинушке береза белая стояла,
При березоньке девица плакала-рыдала,
Ах, с вершинушки березу ветром колышет,
С корешка ее, кудряву, водой подмывает...

Голос у Манчихи был душевный. Казалось, что слушали ее не только казаки и бурлаки, а сама Волга да Жигули.

Заметила Манчиха, что люди загрустили, тряхнула головой и поднялась, стройная, красивая:

— Эй, молодые, вставайте в хоровод!
Повскачили тут молодые, встали в круг, гармони-
сты ударили по ладам.

Клим вышел первым. Он лихо, закружилса подле
атамана, приговаривая:

Ходи, гуля, не скучай,
Головушкой не качай.
Не давайся печаль
Твоим ясным очам...

За Климом пошли в пляс другие казаки. И каждый
свою припевку сказывал:

Мы и пляшем и поем,
Волга нам играет;
Богатеи, берегись!
Вольница гуляет.

Долго продолжалось веселье.

Поглядела Манчиха на шумевших хмельных ка-
заков и подсела к Петру Светлову.

— Хотелось бы мне видеть Волгу вольной рекой.
Царство видеть в Жигулях без бар, царей и корм-
щиков. Ведь сколько кладут труда люди для господ,
а сами в нищенстве живут да долю горькую свою
клянут. А какая в людях сила!

Не сразу ответил Светлов Манчихе. Такого еще
не слыхивал он на своем веку. Оглядел Жигули, гла-
за прищурил, и будто другими горы стали. Вместо
скал стояли крепости, дворцы.

Еще раз оглядел бурлак горы, и прежними они
стали. Тут и ответ он дал Мане:

— Умная твоя голова, дочка. Только, видать, ни-
когда не станется тому, о чем твоя думка. В сказках
нешто...

Слава о вольнице все села на Волге облетела. Тру-
довые люди у Манчихи защиты от господ просили.
Снарядили ходоков и подгорские мужики. Пришли
они в Жигули и ахнули. В горах словно царство:
людей тьма-тьмушая, да все в труде живут. А за
главную у них Маня Чиха.

— Вот диво будет, когда в селе узнают, что ты и есть баба-атаман, — молвил Фадей.

Улыбнулась Манчиха:

— Скажите всем моим друзьям, что жива я, здорова и собираюсь навестить их.

Прошел год, а может, и два. Бары к царю с поклоном пришли, дескать, вольница им житья не дает. Караваны с товарами мимо Жигулей ходить не могут. И бурлаки барки тянут только до Жигулей, а там сбрасывают с плеч лямки и становятся «гулящими» людьми. Кто ж из господ попадаетеся вольнице той, тому смерть.

Удивился царь. А когда узнал, что Манчиха красоты необыкновенной, захотелось ему ее повидать, и такой он отдал указ:

«Послать войско на Волгу, но войны не открывать. Волжанку молодую уговорить, чтоб сдалась без боя, значит, с повинною ко мне явилась. Дать атаману обещание, что козь сделает так, как я велю, то за все дела будет ей мое прощенье...»

Вскоре царское войско в Жигули пришло. Расположились стрельцы в оврагах, лесах да скалах, а воевода к атаману гонцов послал.

Тем временем собрала Манчиха казаков:

— Други мои, вольные люди! Пишет царь, чтоб мы опомнились в своих делах, склонили головы перед ним, ушли бы из Жигулей и набегов не чинили боле. Меня он зовет к себе, видать, тоже княжной хочет сделать...

Зашумели казаки и давай на все голоса кричать:

— Не склоним голов перед царем...

— Из Жигулей не уйдем...

— Веди на битву нас, атаман...

— Спасибо, други мои. Верю я вам, как верю, что жигулевского огня не потушить царям. Пусть мы умрем. Придут сюда другие — умрут и те, придут еще, а Волге суждено быть вольной. Вот и все. Теперь же идите поживайте да будьте начеку...

А утром проводила гонцов Манчиха с таким ответом:

«Как мог осмелиться царь подумать, что согласусь я отдать на смерть людей своих? Передайте царю, что собака на солнце лает, а солнце светит. Поймет он, что смеюсь я над ним. С вами же, лакеи царские, мы померяемся силой...»

Гонцам Манчиха наказала, чтоб передали всем в войске, коль кто хочет быть живым, пусть уходит из Жигулей немедленно, потому что завтра будет уже поздно. И пусть знают, что казаки биться будут за вольные дела и жизни своей не пожалеют.

А в полдень началась в Жигулях битва. Трудно было с царскими войсками воевать, их было втрое больше. Но казаки рубились, словно богатыри. А сама Манчиха ужас на всех наводила. На коне своем будто по воздуху летала; где трудно было, там и атаман.

Всю неделю шла битва, а на вторую войска царевы стали отступать. Да мало кто живым из гор ушел. Даже воеводу израненного полонили.

Рассердился царь и дал указ строгий: на Волгу еще войско послать, а командиром того войска назначить лучшего в России воеводу. Призвал царь воеводу во дворец:

— Разбить вольницу велю. Атамана Манчиху ко мне живой доставить...

И снова в Жигулях шла битва. Долго сражались с вольницей стрельцы. К осени стали казаки слабеть, а Манчиху однажды войско царево окружило и к берегу прижало. Воевода уж радовался победе и царю донос писал: «Мой государь, дела к концу подходят. Скоро буду у ног твоих с Манчихой вместе...».

А только не такая была баба-атаман, чтоб у ног царевых быть.

Как увидела, что к своим ей не пробраться, окинула взглядом Жигули и крикнула казакам:

— Боритесь, други мои, без меня. Прощайте, вольные казаки! Прощай, Волга и русская земля, царям не сдаюся я...

Сказала так — и на своем коне с горы прыгнула в Волгу. Долго на воде круги расходились, а потом

снова тихая да блестящая Волга стала, ровно ничего-то и не случилось. Зато в памяти людской волжанка навеки осталась. А та гора, что стоит вблизи села Подгоры, и доселе зовется всеми Манчихой.

Юрий Помозов

ЕРМАК И ЕПИШКА

Сказ

1

Епишка, сгибаясь под волчьей тушей, хрустя ивовыми лаптями, спускался звериной тропой в Яблоневый буерак к своей бурдюге — землянке.

Вечерело. Закатное небо меж туч кровянилось, как свежая рана. Верхами гор гудел обломный ветер, сдирал с шиханов худосочные деревца, сорил сыпучим замшелым камнем.

«Ох, не к добру, не к добру непогоды!» — сжималась в страхе душа христианская, и Епишка истово крестился...

Недоброе предчувствие сбылось. Еще издалека охотник учуял вкусный дымок мясного варева, а там вскоре донеслась и пьяная разноголосица. Что было делать Епишке? И страх-то давил его грузнее волчьей убоины, и разбуженная тоска по человеческому духу подталкивала вперед; но пуще других чувств выиграло дерзкое любопытство беглеца-отшельника: «Что за пришлое буянство? Может, такие же сбродники, как я?» И решил Епишка подкрасться и все выведать вблизи.

Вот подкрался он с звериной мягкостью, раздвинул орешник, да тут же и одеревенел. Под яблонькой-дикаркой, близ его родной бурдюги, бились на ветру раздернутые шатровые полотнища, а вокруг шатра дымился, дотлевал, заодно с кострами, привольный пир низовой вольницы. Вразброс на овчинах и ро-

жах, среди обсосанных костей и опрокинутых чаш-братин возлегли удалые разбойнички — кто в тяжелых сапогах с подковами, кто в стертых добела сочных из кабаньей кожи. Одни уже богатырски храпели, подложив под головы драные зипуны или какие-нибудь смурые кафтанишки; другие еще что-то дожевывали, пуча осовелые глаза; третьи, буйные во хмелю, драчливо хватались за пистолы, за кривые, азиатских статей шашки, за кистени на перевязках из пожилины — за все, что под рукой было; однако страшный атаманский голос из шатра вмиг укрощал взывавшую хмельную силу.

«Ножевая оравушка, казачья, — решил Епишка. — Почесть, с Дона накатили ватажничать, суда купецкие зорить... Да и меня, дуропьяны, разорили! Ну-ка, сунься к бурдюге...»

Жирные запахи пиршества дразнили охотника. Подползти бы сейчас к артельному котлу да зачерпнуть прямо ладонью горячее варево! Но у котла сидел голый до пояса дядька с клоком сивых волос на бритом черепе — не то кашевар, не то дозорный — и выжаривал вшей из казацкого жупана. Тогда Епишка начал к спящим приглядываться... Вон вблизи на ковре похрапывал добрый молодец в полосатом татарском халате, а в ногах его валялась коврига ржаного хлеба. И Епишка, не будь дурнем, напялил волчью тушу поверх спины, весь как бы вобрался под ее обвислую мякоть, пополз, пластаясь по-звериному. Еще, кажется, рывок, и он, ошалелый от голода, схватил бы ковригу. Но Епишка сызмальства был невезуч. На беду ему, голый дядька у котла обернулся, увидел волчью напасть, вскричал истошно. Тотчас же всполошился весь разбойничий стан. В волчью тушу полетели каленые стрелы...

Очнулся израненный, окровавленный Епишка в атаманском шатре. Перед ним на дубовом пне, крытом синей камкой, восседал сам атаман в длинном полом яргане из черных жеребьих шкур, в остро-

конечной с заломом бараньей шапке, из-под которой, словно дым, вылетали черные кудри, темня лицо, но высветляя глаза. И грозен, пронзителен был их взгляд, а еще грознее — рыкающий голос:

— Ты кто? Не боярский ли изветчик? Что умыслил на стану?

Епишка, как ни ломило его тощий простреленный зад, повалился в ноги атаману.

— Какой от меня опас, батюшка? — прохрипел он жалостно. — Я в охотниках хожалый. Здесь, в бурдюге, два летичка пролетовал. Да вот, батюшка, твои молодчики-соколики заселье там справили. Где теперича головушку приклонить?

— Молчи, костоглот! — прикрикнул атаман. — Сказывай: не холоп ли ты беглый, уж не из самой ли Московии?

— Оттуда, оттуда, батюшка! Примучили меня приказные, я и ухлябал одного дьяка... вот как нонче волка в буеражине.

Атаман, довольный, гроыхнул смехом на весь шатер:

— Ай да скорохват! Ай да волкорез!

И весь стан хмельными глотками подхватил меткую кличку, пущенную атаманом подобно стреле из лука; и пошла она греметь по горам, по буеракам бедовым эхом.

— А теперича думай во весь ум, — продолжал атаман. — По ндраву ли тебе, Волкорезу, наше товариство? Не хочешь ли храбровать и дуванить вместе с нами?

Глянул Епишка на счастливые пьяные рожи есаулов, на пистолы и сабли за шелковыми кушаками и, как кобель, тряхнул вскосмаченной головой:

— По ндраву ваше товариство! Буду с вами храбровать и дуванить!

— Тогда садись с Ермаком, ешь досыта, пей долюби! А утро придет — ступай с братьями-соколами в подгляд и сделай высмотры судов купецких.

— Все сполню, батюшка атаман, — отвечал Епишка, подсаживаясь к Ермаку на дубовую коряжину, у

самых его сапог сафьяновых с кистями и подковами. — Все курганы смотровые и удолия травяные покажу и речку тайную открою твоему воинству. Придут от нас слуги московитские еще много скорби и досады!

Похвалил атаман Ермак Тимофеевич складную речь своего нового сокола и поднес ему серебряную братину с вином, а потом сам отхлебнул из нее, сказал:

— Вместях пили, вместеях и сполох на Волге-матушке учиним.

2

Доверился атаман Ермак Епишке Волкорезу — и не посетовал.

Утром казацкие струги да насады, будары да лодки кладные поднялись от Яблоневого буерака вверх по Волге до уремистой, в вечных сутемках лощине промеж двух курганов (один высок, обрывист, молодцеват, другой — пониже и плоский, как лепеха) и здесь раскинули стан, а все суда завели близ курганов в тенистое устье речонки, что усом отросла и Усой звалась же.

— Дюже укладное место, — одобрил атаман. — Ни одна купецкая али патриаршая насада не убежится. Теперь только б караульный подгляд устроить немешкотно.

— Будет и подгляд караульный, — сказал Епишка Волкорез и повел атамана и его есаулов на высокий курган.

Денек разыграл солнечный, с заволжским духмяным ветерком. Шли звериной тропой, сквозь бурелом, отбивались от гнуса летучей, но скоро выбрались на пологий скат в сосенках искривленных, в дубнячке-коротыше — повеселели; а под ногами хрустел, щелкал белый дикий камень, ласкалась на ветру расчесанная гривастая ковыль-травя...

Однако вымучились степные казаки, не свычные к горной крутизне: не раз обтирались, распарен-

ные, обезноженные, полами темно-зеленых чекменей; Епишка же знай без роздыха, как орел-беркут, все тянул вверх да вверх на ветровой подмывающей струе, пока наконец не ухватился за свислые ветви яблони-дикарки и не выбросил свое ледащее, еще не отъевшееся на атаманских харчах тело на белым-белую, каменистую, обдутую вершину.

А как взобрался атаман со своими верными есаулами да как глянул с кургана в солнечный простор — кремневым сердцем зашелся, сытным воздухом захлебнулся:

— Ух ты, приволье божье, краса земная, несказанная!

Из глухой, неведомой дали московитской вырывалась Волга и на воле под солнцем лучезарным цвела ярче синей заморской камки, кипуче играла волной на стрежне, широким заплеском ложилась понежиться на подстеленные воловьими шкурами пески, окуналась в темные бездны лесов, забрызгивала, разыгравшись, голубые озера в луга заливные, левобережные, где паслись ногайские табуны, откуда заманивало кизячным дымом...

— Ай да молодец курган! — вскрикнул захмелевший от радости Ермак. — Зватья ему отныне Молодецким!

Потом глянул на Епишку.

— Приказую тебе, Волкорезу, высмотры судов купецких отсюда, с кургана, вести. Чуть что, весть подавай на стан неотложно. А мы выдадим тебе, караульщику, припас одежный, снедь в преизбытке, огниво. Пали костер, как гостюшко желанный припожалует!

— Я не какой-нибудь худоумный, — отвечал заносчиво Епишка. — Все сполню. Да вот только, батюшка, сердце тоска гложет по вдовушке, по лебедушке, что на хуторке неподалеку отсюда живет. Гляди, заждалась она меня. Позволь, атаманушка, к ней наведаться. А уж после того посылай хошь в огонь, хошь в воду.

Сказал это Епишка так, для куражу. И пожалел,

что сдуру дал волю языку непутевому. Потому как Ермак от тех слов зло скопился и угрожливо зыкнул:

— Какой из тебя, Волкорез, казак, коли дело на бабу готов променять? Да она всякому дружеству может порухой стать!

Епишка примолк, скособочился и на дело заспешил. Место занял под навесистой скалиной, откуда лучше было высматривать. И, весьма довольный собой, сытый, все еще во хмелю, стал справлять свою новую службу. Внизу речка синей дорогой стелется, вверху небо такой же синевой полыхает. Теплынь. Тишина. После несусветной суматохи, которая так удачно кончилась для Епишки, потянуло его в сон. Так и этак супротивился — не помогло. Что за напасть, сморил Епишку сон вконец. Ладно, решил вздремну маленько, а там и легче будет.

Не успел глаз сомкнуть, явилась к нему в бурдюгу белолицая молодушка. Говорит ему сладкие как мед слова:

— Хоть ты, Епишка, и не барского роду-племени, хоть и зарос, ровно пудель бездомный, а все равно люб моему сердцу. Бежала я из хором своих от мужа постылого в твою лачугу убогую. Тут мне будет и рай и услада. Да что же ты, ненаглядный, не встречаешь, не приласкаешь меня, разнесчастную? Аль не рад, что припожаловала?

И тянется к Епишке белыми руками. Шелестят на ней шелка-бархаты. А он, как на грех, не может ни сдвинуться, ни слова сказать. То ли радость нежданная сковала, то ли колдовская сила в камень его превратила? Долго маялся-томился Епишка в смертной тоске. Когда же открыл глаза, увидел, что прямо перед курганом купецкая насада в уторопь бежит.

— Ох, и дуросвет я! — застонал Епишка. — Что ж теперь-то будет?

Лишь зорька затеплилась да ветром стало выдувать туман из лощины — собрался под курганом казачий круг. Близ раздернутого шатра восседал Ермак во всем атаманском обличье: атласный кафтан на нем огнем полыхает, кисти и петлицы серебрятся, шарики-пуговицы тоже из тянутого серебра, на голове баранья шапка с малиновым верхом. Пообочь атамана есаул Ивашка Кольцо стоял с казацким знаменем, на котором голопузый казачина в щтанах намалеван: сидит он верхом на бочке, как на добром коне, в правой руке держит саблю, в левой — дымящуюся трубку.

Казаки — те возлежали вкрутовую, сонные, с дряблыми сердитыми лицами, а в круту засохшим деревцем поник обесславленный Епишка Волкорез — над ним и судилище артельное, праведное.

— Браты матерые казаки, я открываю круг! — рыкающим голосом, не сулящим добра, обратился атаман. — Мое слово наперед, ваше напослед. Наш высмотрщик Епишка, по прозванью Волкорез, опоздился нам клич подать, и мы в догон за насадой купецкой пустились, да мы ту насаду не полонили, добычу не раздували, а нам стрельцы царские погромище учинили: струг с борта вырешетили, кормщика Елисея Полухана изранили, а Якуньку Гусаку — того потопили... И за все лихо ответчик Епишка, он же Волкорез, и мы, браты матерые казаки, должны его судить и другим укорот дать.

Смолк атаман и выжидающе глянул на казаков: что скажете, браты-соколы?

И, словно стрелы с тетивами, сорвались приговорные слова с казачьих уст:

— От Волкореза нам поруха, покор!

— Он купецкую насаду упустил — не мы!

— В бочку Епишку да с горы вниз!

— Костер распалить и ужарить!

Махнул атаман пламенным рукавом и, когда смолкли рыкающие голоса, молвил:

— Быть по-вашему, братья матерые казаки! Наладим грехопуту вечный опочив! Схватить его да на суку вздернуть принародно!

Тут от страха обезноженный Епишка покачулся и упал головой в траву, а зад по-страусиному выставил. Но когда схватили его два дюжих молодца, откуда и сила взялась — вырвался из тяжелых лап, кинулся в ноги атаману, вскричал с горя-отчаянья:

— Помилуй, батюшка! Дай грех перед товариством замолить! Только приказуй — уловлю купецкую насаду! Никуда не убежит, сама в руки попадет. ей-ей!

Вскинул соболиные брови атаман Ермак:

— Чего квохчешь без надобы? Как же ты рыбу ухватишь, коли из сети вырвалась?

Ударил Епишка головой о землю и раз, и другой:

— Пымаю, пымаю насаду!.. Только не вели казнить — вели миловать!

Атаман переглянулся с есаулом Ивашкой Кольцо, сказал увесисто:

— Встань и говори слово путное, советливое:

Поднялся Епишка и, тряхнув вскосмаченной головой, заговорил без роздыха:

— Обещался я, батюшка, тебе тайный ход открыть... Вот сядем-ка мы в будары легкие и поднимемся по Усе вверх, а где переволока, там лодки вытянем да по земле их переволочим и опять в Волге очутимся, купца станем поджидать, пока он по Самарской Луке горы обходит и над нами посмеется.

Тут враз казаки загалдели, как на привальном пиру, голоса у всех веселые, без рыка, — и Епишка понял: он спасен!

Вилась украдкою серебряной змеей разбойная Уса в кустах прибрежных, навесистых, тенью ласковой, дремучей студила тела казацкие; а над кустами

леса-дебри вскидывались тучей, над лесами горы громоздились, горбатились, плешистые.

Епишка с атаманом наперед плыл на длинной бударе о шести веслах — путь верный указывал, чтоб не заносило на камни известковые — в заводи, на тихую струю, утягивало.

Плыли — вспугивали жизнь лесную. Взивались из камышовых насидок невиданные красные утки, свечой уходил ввысь черный аист, рычал на водопойной тропе растревоженный медведь, трусливые олешки с треском вламывались в зеленодремную сумеречь...

— Здесь наше поселье, лучшего не сыщешь, — говорил атаман Ермак под скрипенье кочетков весельных, и откликались согласно казаки-весельщики:

— Тут нашу крепь слаживать, здесь гнездиться!

Придвинулись холмы, взрезанные, как каравай, узкими ущельями: кружили над ними орлы-беркуты — властители Жигулей. А как малость отлегли холмы и отмель песчаную выбросили, сказал Епишка Волкорез:

— Здесь переволока, отсюда будары посуху тянуть версты две-три, не более!..

Казачья ватага с сотню чубов впряглась в наплечные трехжильные веревки и под окрики старшин-десятников: «Ходи, ходи, соколики, веселее!» — потянула пустые и кладные бударки через лужки приветные и буреломы, сквозь орешник густой и дубовую рощу; а где неспробой было — секирами секли гущину да под днища бревна-катыши подпихивала.

За полдень, вскинувшись на хребтину горы, увидели казаки солнечную Волгу и шкурой распластаный рыжий остров, за ним — воложки и низины кудрявой поймы — владенья засмиревшей Орды... На хребтине меловой, водораздельной, где люто припекло, выпили казаки по чарке привальной и заскользили вниз, хоть садись в будары вместо саней!..

Вскоре уже выволочились к реке, в прибрежных тальниках затаились; а чтоб вернее перехватывать купецкую насаду, надумал атаман и на остров по-

слать несколько бударок и наказал есаулу Игреньке Бубенцу враз нападать, как только махнут с берега белым полотнищем.

И легла над Волгой вечерняя тишина. Под ленивые приплески волн суетно, тяжело бились казацкие сердца. Но всех пуще волновался Епишка Волкорез: не дай бог, снова не дастся в руки насада — останутся братья-соколы без воровского прибитка и с досады опять смерть посулят ему, разнесчастному Епишке!..

5

— Ватарба-а! — возгласил дозорный с береговой кручи и махнул полотнищем. — Ватарба-а!

Купецкая насада ползла стрежнем, паруса ее обвисали в безветрии.

— Айда на переем! — гаркнул атаман Ермак. — Рви, ребятушки!

Острия щучьи носы, на едином выплеске сиганули будары из раздернутых тальников. Впереди всех летела атаманская, о шести веслах. Ражие, отбористые гребцы вовсю взваривали. Епишка, корчась на корме, черпал воду кожаным ведром и обливал взмыленных весельщиков.

— Навались! — взбадривал атаман. — Качай, покачивай!

От берега, от острова слетелись разбойные будары на поживу. Глухо, всполошно взлаивал чугунный колоколец на купецкой насаде; взблескивали там, за нашитыми на борт досками, бердыши нанятых стрельцов, кровенели их шапки; доносились между колокольными вызвонами начальственные покрики:

— Ратуйте, воины стрелецкие!.. Ратуйте!..

Вперекор этим покрикам, взбалмошному звону ревела атаманская гортань:

— Дери, царапай!

Хрястнули, сойдясь, борта. Епишка при толчке едва удержался на корме. А гребцы, выкинув из воды весла с железными крючьями на концах, мигом взбагрили насаду.

— Сарынь! — ревел страшно, угрожливо атаман Ермак. — Шары на палы!

Стрельцы, однако, не растерялись — махнули бердышами, норовя перерубить багры. Но казаки враз их отставили и тут же, изловчась, закогтили крючьями стрелецкие кафтаны.. Глянул Епишка — возликовал: два сдернутых стрельца, распотешно кувыряясь, летят за борт...

— Сарынь! Шарила! — не умолкал атаман. — Круши!

Заскочил он на казацкую спину и полез на палубу насады: в одной руке пистоль турецкий, в другой — кривая татарская шашка с серебряным узорочьем. А Епишка, чтоб трусом не назваться, с ведром вскарабкался на палубу — и ну махать им!.. Да размахался он больно шибко и сослепу угодил в трюм. Смотрит: среди сундуков кованых сам купец в белой распоясанной рубахе стоит на коленях; перед ним икона богоматери, и он поклоны ей отбивает... Вскинул Епишка кожаное ведро и нахлобучил на седую голову, гыкнул:

— Идем, идем, старче, на расправу атаманову!

На палубе творилось сущее побоище. Казаки, облепив насаду, карабкались на нее. Взблескивали шашки и топоры — отлетали головы стрелецкие. С визгом проносились каленые стрелы лучников, потрескивали пистолы. Стукотня кованых сапог громом рассыпалась по палубе. На кичке — носу — натекла кровавая лужа: там, на просторе, рубился взъяренный атаман Ермак, сам весь в крови. Скоро все было покончено. Уселся атаман прямо на убитого стрелецкого начальника, вытер кровавый пот со лба бараньей шапкой и сказал с усталой хрипотцой:

— Сыскать купца! Будем суд чинить!

Епишка вытолкнул своего пленника с ведром, нахлобученным на голову, распотешил всю ножевую оравушку. Но атаман даже не улыбнулся. Сдернув концом сабли ведро, спросил купца:

— Пошто замятню-сечу устроил? Пошто не сдался вольным казакам на милость?

Страхом забивало гортань купеческую, крупной дрожью ходило под распоясанной рубахой старческое тело.

— Удавить его на мачте! — приказал атаман Ермак. — Там он ближе к богу будет. Там ему, грехопуту, дюже укладно покаяться, как скудобедный люд разорял.

Взвили казаки захрипевшего купца в самую высь мачты, а сами стали дуванить добычу, вино фряжское пить да песни веселые петь.

Епишка, обряженный в стрелецкий кафтан, с воткнутой в ухо жемчужной серьгой, бражничал по-казацки. Теперь он признавал себя не жалким беглым сбродником, но вольным казаком, человеком, которого царь-гроза московитский никогда не склонит на покорность и который сам в урочный час сможет пригрозить ему пистолью или отнятым бердышом.

СТЕПАН РАЗИН

А. С. Пушкин

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге-реке, по широкой,
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
«С глупых лет меня ты воспоила,
«В долгу ночь баюкала, качала,
«В волновую погоду выносила,
«За меня ли, молодца, не дремала,
«Казачков моих добром наделила, —
«Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

Ходил Стенька Разин
 В Астрахань-город
 Торговать товаром.
 Стал воевода
 Требовать подарков.
 Поднес Стенька Разин
 Камки хрущатые,
 Камки хрущатые,
 Парчи золотые.
 Стал воевода
 Требовать шубы.
 Шуба дорогая,
 Полы-то новы,
 Одна боброва,
 Другая соболья.

Ему Стенька Разин
 Не отдает шубы.
 «Отдай, Стенька Разин,
 «Отдай с плеча шубу.
 «Отдашь, так спасибо;
 «Не отдашь — повешу
 «Что во чистом поле
 «На зеленом дубе
 «Да в собачьей шубе».
 Стал Стенька Разин
 Думу думати:
 «Добро, воевода,
 «Возьми себе шубу,
 «Да не было б шуму».

Что не конский топ, не людская молвь,
 Не труба трубача с поля слышится,
 А погодушка свищет, гудит,
 Свищет, гудит, заливается,
 Зазывает меня, Стеньку Разина,
 Погулять по морю, по-синему:
 «Молодец удалой, ты разбойник лихой,
 «Ты разбойник лихой, ты разгульный буйан.
 «Ты садись на ладьи свои скорые.
 «Распусти паруса полотняные,
 «Побеги по морю по синему.
 «Пригоню тебе три кораблика:
 «На первом корабле красно золото,
 «На втором корабле чисто серебро,
 «На третьем корабле душа-девица».

А. В. Кольцов

Стенька Разин

Не страшна мне, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Леса темные, дремучие,
Вьюги зимние — крещенские...

Уж как было: по темным лесам
Пировал я зимы круглые;
По чужим краям, на свой талан,
Погулял я, поохотился.

А по Волге, моей матушке,
По родимой, по кормилице,
Вместе с братьями за добычею
На край света летал соколом.

Но не Волга, леса темные,
Вьюги зимние — крещенские
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь железную...

В некрещеном славном городе,
На крутом, высоком острове
Живет девушка-красавица,
Дочка гостя новгородского...

Она в тереме, что зорюшка,
Под окном сидит растворенным,
Поет песни задушевные,
Наши братские — отцовские.

«Ах, душа ль моя ты, душенька!
Что сидишь ты? Что ты думаешь?
Али речь моя не по сердцу?
Али батюшка спесивится?..

Не сиди, не плачь; ты кинь отца;
Ты беги ко мне из терема;
Мы с тобою, птицы вольные,
Жить поедem в Москву красную».

Отвечает ему девица:
«За любовь твою, мой милый друг,
Рада кинуть отца с матерью;
Но боюсь суда я страшнова!»

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку...

А. П. Чапыгин

ПРИДЕТ ТО ВРЕМЕЧКО

(Из романа «Разин Степан»)

Высоко над Волгой, на третьей ступени Девичьей горы, среди редких елей раскинут шатер атамана. На ступенях горы до шатра рубленые сходни в толстых бревнах. Книзу по Волге, в бухте за Девичьей горой, стоят струги и боевые челны атамана. На стругах на железных козлах-подкладках горят огни. На палубах говор, шум хмельной и песни под звон домры. Звонче других и чище голосом поет круглолицый, матерый, с пухом черной бороды, брат атамана — Фролка.

Шатер атаманский из парусов: под парусами, лицом в шатер, ковры натянуты. Раскинуты ковры и по земле до половины шатра. У дверей разложен огонь. Пламя огня поддерживает атаманский бахарь и песенник старик Вологженин. Иногда пространной невидимой грудью вздохнет горный ветер, зашумят ели, засвищут их ветки, шевельнет ветром полотнища шатра, вставшего на дороге, но сдвинуть стен шатра не может волжский ветер — покрутит пламя, широкими горстями кинет золото гаснущее искр на ковры, тогда ярче зеленеют сапоги атамана да блещут на них подковки. Черный кафтан на атамане подбит лисицей, оторочен по подолу и вороту бобром, правая пола отогнута, под кафтаном кроваво-красный кармазинный полукафтан, за кушаком пистолеты. Атаман лежит на подушках, облокотился на толстый низкий пенё срубленного дерева, глядит в широкий разрез дверей, и видно ему берег дальний, слитую в туман землю с небом при свете как будто накалившего добела месяца. Не пьет атаман, думает, сдвинув на лоб красную бархатную шапку. Думает свое старик бахарь у дверей шатра и заговорить с батькой не смеет. Видит атаман, как старый сказоч-

ник прячет от припека огня свою домру за ковер, чтоб не портились струны.

— Что ж ты, дид, играть закинул? Песня мне не мешает...

— Аль не чуешь, атаманушко, как брателко твой Фрол Тимофеевич взыгрался? Чай, до Самары гуд идет! Я же к тому гуду тож причуиваюсь...

— На черта мне игра Фролки! Саблей играть не горазд. На домре старикам играть ладно — казаку не время нынче... Играй ты.

Выволок старик бахарь домру, потренькал, настраивая, и, припевая, стал подыгрывать:

Гой ты, сине-лучистое небо над маткой-рекой!
На тебе ли пылают-горят угольки твоих звезд вековые...
Твоим звездам под лад
Под горою огни меж утесами, камнями старыми...
Прозывается место проходное «Яблочный квас».
А те звезды — огни все поемных людей,
Из-за Волги-реки приносивших.
То огни у костров ерзи-мокши людей со товарищи...
Кто не чуёт — я чую огни, голоса,
Кобылиц чую ржанье!
Да огни у нагайцев, идет татарва,
Со улусы башкирия многая...
А к огням у своих — мужики прибрели.
Русаки к русаку присуседились.
С головой на плече супротивных своих.
Не одна, и не две, много, много боярских головушек
Принесли мужики к заповедным огням.
С головами боярскими — заступы,
Принесли топоры, вилы, косы с собой.
Пробудилась, знать, Русь беспортошная!
Эх, гори, полыхай злою кровью, холопское зарево!
На лихих воевод, что побором теснят
Да тюрьмой голодят, бьют ослопами до смерти...
Мы пришли вызволять свои вольности
С атаманом, со Стенькою Разиным,
От судей, от дьяков, от подьячих лихих,
Подавайте нам деньги и бархаты.
Нашим женам вертайте убрусы, шитье
Да тканье золотое со вираньем.
Не дадите, пойдете, как пес, меж двory
Со детьми да роднею шататися,
Божьей милостью — с нашей мужицкой казны
И убоги и нищи кормитися.

Александр Ширяевец

ПЕСНЯ ПРО СТЕНЬКУ РАЗИНА

Ой, давным-давно по Волге
Разин соколом кружил,
Но никто лихого Стеньку
До сих пор не позабыл...

Видно, сила колдовская
Удалого берегла:
Не разил его меч вражий,
Злая пуля не брала...

Глянет Стенька — хоть не хочешь,
На колени упадешь.
И от взгляда атамана
Пробежит по телу дрожь...

Стоит молвить Стеньке слово —
Обездоленный народ
За него в огонь и воду
Распеваючи пойдет..

И боялись лиходеи
Атамановой руки
Да за то его встречали
Хлебом-солью бедняки...

И поют они по Волге
До сих пор, и мал и стар,
Как стоял за них горю,
Гнал заносчивых бояр...

И никто-то не поверит,
Будто был он полонен,
В белокаменной столице
Воеводами казнен...

...Ой, давным-давно по Волге
Разин соколом кружил,
Но никто лихого Стеньку
До сих пор не позабыл...

КЛИЧ

На кургане в шапке-зорнице
Стенька встал, разгульно смел.
Молодецкую он вольницу
Кликал, звонницей гудел:

«Гей-эй-эй!..
Собирайся-ка, голь перекатная,
Шалый сброд!..
Будут гульбища, подвиги ратные,
Русь зовет!

Хватай ножи с пистоями!
Гульнем по вольной воле мы!
Не дам народ в обиду я!
Айда тягаться с кривдою!
Гей-эй-эй!..

Нет життя от боярства от чванного,
Воевод!
Всех достанет рука атаманова.
Всех уймет!

Не дам народ в обиду я!
Айда тягаться с кривдою!
Хватай ножи с пистоями!
Гульнем по вольной воле мы!
Гей-эй-эй!..

Царь не видит, в палатах все тешится
Спозарань...

А и нам, братцы, время потешиться!
Грянь-ка, рвань!

Хватай ножи с пистолями!
Гульнем по вольной воле мы!
Не дам народ в обиду я!
Айда тягаться с кривою!»

Так бросал слова смутьянные
Разин, взявшись за пистоль.
И ватагою буянною
На курган валила голь...

Не леса шумят кудрявые.
То повольники шумят;
Помыкает всей оравой
Колдовской, зовущий взгляд.

Зацвели лады узорные!
Песни, посвисты и гул!
Загляделись выси черные
На диковинный загул!

Не с того ли крика шалого
Волга вспенила сильней?
Любо Стеньку разудалого
Уносить далеко ей.

УТЕС РАЗИНА

Стоит давно осиротелый
И грезит былью прошлых дней,
И слышит голос Стеньки смелый,
И свист, и взмахи кистеней.
— Сарынь на кичку!..

Всплески... Битва...

Нет, не забыл он до сих пор
И кровь, проклятья и молитвы,
И грозный атамана взор!

И как тогда взметнулись волны,
И стон, взметнувший тишину,
Когда, похмельный и безмолвный,
Он Волге подарил княжну,
И как потом один, тоскуя,
На нем сидел он до утра,
Не клял ли жизнь свою лихую,
Возы кровавого добра?..

Стоит, грустит, осиротелый,
Порос и мохом и травой.
Ему все снится голос смелый,
Раскаты песни грозовой...

Юрий Помозов

САБЛЯ СТЕПАНА РАЗИНА

Взял Степан Разин Самарскую крепость, потопил в Волге всех бояр да начальных людей и стал на радостях бражничать.

Вдруг видит он: тащит есаул Черноус пленную боярышню. На ней зеленая распахнища травушкой-муравушкой переливается, по подолу лисий мех стелется, рукава рубахи шелковой алеют ярче утренней зорьки, и по ним жемчуга пущены. Но краше всего сама девица-боярышня: глазок карий, коса до пят, грудь лебединая.

— Эй, есаул! — окликнул Разин. — Где словил такую красу ненаглядную? Куда ведешь? Уж не мне ли в услужение?

— Нет, не тебе, батька атаман. Самому пришлось по сердцу.

— Ой, отступись, есаул! Отдай красу-девицу!

Да горд, неотступчив был есаул Черноус — недавно богатого купеческого рода.

— Лучше, — говорит, — убей меня, батька, только живым не разлучай с лебедушкой.

Призадумался Степан Разин, потом как тряхнет черными с проседью кудрями.

— Врешь! Никогда не будет баба промеж вольных казаков распрю чинить!

Выватил он из-за серебряной запояски кривую саблю и отсек лебедушке голову.

— Вот, — смеется, — и спору конец!.. Али ты не согласный?

Ничего не ответил есаул Черноус, лишь взглянул исподлобья на веселого батьку атамана и отошел, унося в сердце злобу на него.

Еще три дня и три ночи бражничал Степан Разин — без роздыха, во всю сласть души веселился-буянил после долгих ратных дел, а на четвертый день сказал ему брат Фролка:

— Синбирск надо воевать немешкотно, не то в
вине и разгуляях все холопы вольности потопим.

Вмиг протрезвел атаман.

— Твоя правда, брателко! Снаряжай струги!

Днем отплыли вверх двести стругов — черных, в
смоле вываренных. Непогодилось по-осеннему: дождь
да ветер верховой, волна волжская мутная, с при-
скоком.

Лежал Разин в шатре на бархатных подушках с
кистями, говорил своему песеннику и бахарю:

— Потренькай, дед, на домре, спой что-нибудь
утешное, а то неможется мне что-то. Отвадил я от
себя есаула Черноуса. Негоже такая разладица пе-
ред боем.

А бахарь тот был вещун-всесилец, он и вымолвил
слово советливое:

— Черноус, по моей замете, корыстник и злонра-
вец, при беде первый отступник, и ты, атаманушко,
не печалься о нем. Лучше приставь к нему казака
надежного, чтоб посек его при злом умысле. А пе-
чальиться тебе, сокол, от другой порухи: ржа едучая
притупила твою саблю вострую.

И верно: не блестит больше сабля, поржавела. «С
чего бы такая напасть? — думает-гадет Степан Тимо-
феевич. — Али кровь невинная, девичья запеклась,
али Черноус ржу напустил?..»

Брат Фролка и грозный есаул Чикмаз мигом ки-
нулись к атаманской сабле и начали брусками сди-
рать ржавчину. Да не тут-то было! Не идет ржа на
убыль — нарастает как мох на дереве. И помрачнел
Степан Разин, сдвинул на глаза красную бархатную
шапку: ох, не к добру, не к добру такое лихо!

Тем часом бахарь, за борт перевесившись, зраком
своим пронзительным кипень-воду буравил, потом
же сказал вещи слова:

— Пошто кручиниться, атаманушко? У энтого са-
мого прохожего места, по прозванью «Яблочный
квас», лежит на речном дне песок белый, чистый,
студеный. Он всякую ржу изничтожит, только до-
стать его трудно.

Глянул Разин на своих есаулов — ну-ка, кто горазд? — и каждый, подбоченься, наперед вышел: молодец к молодцу! И стали они в кипень-воду отважно кидаться, но никто со дна не зачерпнул хоть горстку песка.

Тут наступил черед Черноусу. «Что-то больно страшно косятся на меня батька, — рассудил есаул. — Надо перед ним выслужиться!» Взобрался он повыше на мачту и рухнул вниз камнем. Сквозь всю воду прошел, темячком в дно ткнулся, двумя горстями черпанул песок — с ним и вынырнул к атаманскому стругу.

Как взял Степан Разин тот песок белый, чистый, студеный, как провел им по лезвию — ясным зеркальцем блеснула сабля и снова заострилась. Тут на радостях обнял атаман своего удалого есаула, а на бахаря взглянул с укором: дескать, напраслину ты возводил на Черноуса, за меня он в огонь и воду идет!

Начало вечереть, но ветер-верховец не утихал — все больше ярился. Паруса полотняные и рогожные давно были свернуты — казаки веслами выгребали с натугой, да скоро вконец утомились. Разин приказал учалить всем стругам в устье Усы, близ Молодецкого кургана. Сам на берегу раскинул шатер из парусов — чтоб не сдуло. Бахарь затеплил свечи, взятые из самарской церкви, а прислужные казаки коврами шемахскими устлали сырую землю. Возлег на них атаман, подперев голову рукой с жуковиной — золотым чеканным перстнем, задумался под свист осеннего ветра.

— Об чем размысливаешь? — пытается бахарь.

— А вот думно мне, идем мы Синбирск воевать без подгляда. Больно расхрабрились после Самары-города. А в бою повтора не бывает. Надо быть осторожливым да увертливым. Сломя голову на стену крепостную не залезешь. Али не верно гуторю?

— Верно, верно, — кивнул бахарь мудрой шишковатой головой. — Надо подглядчиков-казаков втай посылать к Синбирску.

Снова призадумался атаман; и снова пытается бахарь:

— Теперь об чем твоя думка?

— А вот об чем. Кабы виден был Синбирск с Молодецкого кургана — считай: полдела сделано. Наказал бы я подглядчикам один овин зажечь, коли мало в городе войска царского. Два зажгли бы — вмиг смекнул: войска там ни мало ни много, да народ беспортошный готов врата крепостные открыть и хлебом с солью приветить. Ну, а ежели три овина запалят мои подглядчики — значит, стрельцов и пушкарей преизбыток, и не след нам с ходу замятню заваривать, а надобно выхитряться.

Заулыбался бахарь:

— Так знай, атаманушко! Даст бог, утихнет к утру верховая погода — увидишь с кургана Синбирск, а там и подглядчиков посылай. Недаром зовется курган Молодецким: за сотню версти боле с него видно. Послужит он нашему делу мужичьему, правому! Будут еще бояре кусочничать по вольным градам и весям!

За слова складные обнял Разин седого бахаря и, век не смежая, стал дожидаться светлыни...

Утречко выдалось тихое румяное, с солнышком улыбчивым. Вскочил недреманный атаман Разин, кликнул есаулов на воинский совет: так и так, мол, други милые, начальнички удалые, идем на курган Синбирск смотреть, на горе и шатры раскинем и станем добрых вестей дожидаться от подглядчиков.

— А кого, брателко, в подгляд пошлешь? — спросил Фролка Разина.

— Да Черноуса, кого ж еще!

— И то ладно, — кивнули враз есаулы. — Коль песок со дна достал, так и любую весть-надобу раздобудет.

Один бахарь шепчет Разину, чтоб он Черноуса не слал в подгляд, да атаману не до разговоров. Наказал он казакам сходни дубовые срубить, сам за топор взялся и машет им не хуже сабли... Часу не прошло — триста ступенек легло ввысь, от подгорья до го-лого шихана. И как взошел по ним Разин в своих

сафьяновых сапогах с подковами да как глянул с поднебесной выси в даль синбирскую, чужеродную—вмиг узрел боярский город. Белел он церквушками с горы, будто уселись там чайки-мартыны; на просторе радостном, солнечном Волга широким мечом блестела и подсекала снизу далекую гору, выносила ее, словно хлебный каравай в дар — только руки протяни!

— Ну, ступай с богом, мой верный есаул, — прощался Разин с Черноусом. — Все спытай, что велено, и ночью запали огонь, а уж я смекну что к чему.

Ушел в подгляд Черноус и с ним два казака из его сотни. Степан же Тимофеевич, как шатер ему возвели на шихане, самолично в караульщики подрядился. Опять недреманный всю ночь провел, однако ничего не высмотрел. И говорит бахарю:

— Должно быть, не дошел еще Черноус али, может, в засаду встрял. Ну-ка, скажи, дед?..

А бахаря и след простыл. Только что безотлучно сидел у костра, кабанью сухожилину раздирал руками — и вдруг словно испарился заедино с дымком! Тогда кликнул растревоженный атаман есаулов и казаков, но никто не видал бахаря. Лишь Чикмаз, да и то спросонок, поведал, будто почудилось ему, как бахарь начал черным пером обрастать, а потом взвился с орлиным клекотом...

Наступила вторая ночь. Студеный ветер обхлестывал Молодецкий курган, и тучи, цепляя его зеленые кудри, проносились с воем и роняли крупные дождины, словно оплакивали каменного богатыря...

Вдруг полыхнуло из сутемок далеким пламенем. Вскочил недреманный Разин Степан и презычно, весело крикнул с шихана:

— Гей, казаки, моя удалая сарынь! Есаул Черноус добрый знак подал — один овин запалил. Айда без промешки Синбирск воевать! Побьем воевод, царевых захребетников, а там к самому государю-кровососу в Москву припожалуем, суд над ним принародно учиним!

Живо спроворились разинцы — и в уторопь, под весельные частые махи полетели струги по Волге, вперекор ветру и волне взъяристой, да так, что кормщики едва успевали воду захлестнутую выскребать черпаками.

Еще засветло при тумане училили казаки под Синбирской горой, и думно всем было — втихую, без всякой заметы; но из овражной расщелины, глянь, будто снежный вихрь вырвался: то мчались на конях драгуны в белых шапках островерхих, в белых мундирах.

— Измена, батька! — гаркнул есаул Чикмаз. — Предал нас Черноус! В обрат тикаем!

Не дрогнул Степан Разин. Стоял он на кичке атаманского струга и, как увидел мешкотню среди казаков, приказал пушки выдвинуть и ухнуть по коннице... Затявкали по-щенячьи маленькие чугунные пушчонки, а все ж взбодрили опешивших разинцев. Стрельнули они из пищалей, напустили на врага рои стрел — отбились кое-как.

— Ну, брателко, теперь в утек пора, — сказал весь израненный Фролка. — На горе-то, глянь, царских войск видимо-невидимо.

Серdito тряхнул поседелыми кудрями Степан Разин:

— Рано, брателко, сполох бить. Коли упятимся — запал ратный надолго пропадет, казаки до пупов чубы свесят. А надо нам заступ обходный делать и с севера Синбирск воевать: чай, не ждут нас оттуда.

Погрузились разинцы на струги и, поднявшись до острова Чувинского, схлынули всей ратью на отложистый бережок да сотня за сотней, как волна за волной, накатили на старое городище, что пониже кремля залегло. И поднялась в царском войске сумятица-заваруха. В страхе помчались воеводские ратники к кремлю, а впереди всех бежали немчины-командиры и сам воевода Иван Милославский. Однако немногие схоронились за рвом преглубоким, за стенами кремлевскими — нещадным боем били разинцы супостатов и в грязь осеннюю их втапывали.

Весь посад с торговыми, с амбарами да острог близ речки Синбирки в одночасье захватили разинцы, потом с ходу на венец полезли, на макушку горы, чтоб кремль взять, где засел Милославский с верными боярами и стрельцами. Но высоки крепостные стены, крепки наугольные башни, много затинных пушек, вросших в стены плотно, как сучки в бревна. И хоть лихо разбежались разинцы со столбами подхватными, норвя пролом учинить, — устояла крепостца, а осадчиков полегла добрая сотня.

— Эй, Разя Степашка, костоглот, лихоимец! — завопил на радостях воевода Милославский со стены кремлевской. — Хочешь узреть, что с тобой, разбойником, будет вскорости?

Вывели бояре на самую высокую башню человека, обтесанного как бревнышко: ни рук у него, ни ступней, даже уши вырваны, нос расплющен, глаза выколоты, потом облили его варом, подпалили и сбросили вниз, будто головешку чадную.

Разин повелел того несчастного доставить к нему в шатер, и два казака отважных исполнили атаманскую волю — на рогоже приволокли обгорелого страдальца. Наклонился над ним Разин и учуял слабое дыханье, тут же вином из яндовы облил, чтоб привести его в чувство, потом спросил:

— Кто ты будешь, добрый молодец?

И ответил мученик, лишенный подобия людского:

— То ж я, батька атаман, твой верный есаул Черноус.

— Как же ты в крепостце у Милославского очутился?

— А вот только я к Синбирску подошел с казаками своими, как налетел на нас орел — крылья вполнеба — и раскогтил мне грудь, глаза повывлевал. Тут я, батька атаман, лишился памяти, а опомнился в кремле, и там меня вымучивали поганые собаки бояре.

— Ну, прости меня, есаул, — сказал Разин. — Я думал, это ты обманный овин запалил и все мое воинство предал.

— Нет, ты прости меня, батька, — отвечал Черноус, — что волю твою не сполнил до конца.

Тут захрипело у него в растерзанной груди, и дух могучий вылетел из казацкого тела.

— Эй вы, боярские высмертки! — погрозились Степан Разин. — Отомщу я вам за есаула Черноуса!

Повелел он своим сотням по ночам готовиться к приступу кремля. Только, бывало, стемнеет, а разинцы уже таскают рогожные кули с землей — вал насыпают под крепостными стенами и земляные переходы от него тянут к кремлю, чтоб сподручнее было заскочить на стены. Торопятся разинцы, и неспроста: дошла весть, что князь Барятинский ведет боярское войско. Заваливают они ров бревнами, хворостом, чем придется, лишь бы поскорей сладить настил вровень со стенами крепостцы и до прихода Барятинского синбирских бояр побить.

Днем и ночью под стрелами и пулями работали разинцы, а все ж подогнали настил по наметке — только и заскакивай на стену! Но стрельцы боярские горячей паклей подпалили хворост. Вскинулось столбами пламя и пошло по ветру прямо на разинцев.

За одной бедой другая припожаловала. Гонец-подглядчик привез недобрую весть: князь Барятинский встал с войском за рекой Свиягой, вот-вот сам, как огонь, перекинется на другой берег и на стык пойдет с воеводой Милославским.

«Что ж, тогда надобно упредить его, встречу выйти, замятню заварить», — смекнул Разин и немешкотно вывел к Свияге свои сбродные отряды — казаков донских, стрельцов переметных, калмыков, татар, чувашей, мордву, всякое разноязычье, кому воля мила и холопья доля постыла; а как сутемки напоздзли ранние, осенние, с туманом, с дождичком накрапистым, велел на плотях, на бударках переправляться через реку.

Едва сошла непроглядь туманная — началась сеча смертная. Впритык сдвинулись разинцы с врагом, в дело у них пошли топоры и кистени, пики и рогатины: уж больно мало было пороха! Зато по ним из

пищалей и пушек палили немчины-иноземцы и боярские сынки, одолевали шаг за шагом. Но когда выпустил Разин горячих татар на злых степных конях — попятились царевы согласники, побежали. Тут и все пешие разинцы кинулись вдогон — да без огляда. Сбоку, из-за холмов, вдарили по ним засадные боярские пушки. Опешили разинцы — и наутек. Но сзади на них напал Милославский, выйдя из крепостцы. И началась у разинцев мешанина-сумятица....

Разин из шатра прочь да на коня, саблю заветную хватить из-за серебряной запояски. Грозой-молнией за сверкала сталь над врагами: что ни удар, то голова с плеч.

— За волю, братья! — ревел, взъяриваясь, атаман. — Круши бояр налево, направо!

Опомнились разинцы, тоже взъярились — и ну молотить супостатов, как горох цепами. Одна шелуха от них посыпалась. Да вдруг качнулся Разин в седле: обе ноги враз прострелены, кровь из сафьяновых сапог родниками выхлестывает... Стиснул он зубы, собрал остатние силы, чтоб посечь ближнего драгуна, но потемнело в глазах атаманских, сам драгун, словчившись, ударил палашом по голове Разина.

— Браты, спасай атамана! — крикнул Фролка. — Без батьки всему делу гибель!

Подхватили есаулы Разина, поскакали к Волге, рапы ему обмыли, перевязали, голову посеченную засыпали толченым сахаром.

Очнулся атаман на струге. Вокруг волны плещут, кочетки весельные поскрипывают. В сутемках горы Жигулевские прорезаются звериными хребтинами.

— Куда везете? — вопрошает угрозливо Степан Разин. — Али Синбирск взяли — и битве конец?

Молчат верные есаулы, клонят головы, будто повинные.

— Ой, чую, соколы, побили бояре наши вольности, и всему делу мужичьему кончина.

Взошел месяц из-за высокой утесистой горы, светлыню залил Волгу.

— То никак, братья, Молодецкий курган, — пригляделся атаман. — А ну-ка, отнесите меня на верхотурье.

Фролка — вперекор:

— Напраслину задумал, брателко. На Дон поспешать надо. Там отсидимся, пока голытьба не привалит сызнова.

— На Дону чую смерть, — сказал Степан Разин. — Иной атаман мое дело продолжит. Для него свою саблю упрячу на кургане.

Уложили есаулы своего недвижимого батьку на ковер, взяли за кисти и понесли его по сходням на гору... Только поднялись на шихан — орел со злобным клетотом накинудся и черными крыльями свет луны затмил. Есаулы за пистолы ухватились, да и фитили отсырели, не зажигаются от кресала; они — за сабли, и опять незадача: лезвия вдруг ржавчиной обросли, как мохом, и притупились, будто заговоренные. А орел-то беснуется: то крыльями раздувает бурю, то когтями вцепится в есаульский кафтан и клочья вырвет...

— Гей, брателко! — позвал Разин Фролку. — Дай-ка саблю мою!

Протянул Фролка саблю атаманскую, а на ней — тоже ржавчина. Тогда схватил Разин камень, и, как спустился орел пониже, ударил его в голову...

Беспромашный был удар! Рухнул орел на шихан, и — что за чудо! — начали с него, как листья с осеннего дерева, опадать перья. Глянь, это уже не орел, а сам бахарь лежит, только на нем ферязь боярская, голубая, бархатная, и поверх ферязи колонтарь железный, воинский.

— А-а, так это ты, двуличник, изветчик, меня предал! — вскричал Разин и саблей, которая вдруг блеснула под луной ярче зеркальца, отсек боярскую голову.

Покатилась голова, словно камень, под гору, а тело боярское есаулы сбросили вниз...

Тут Разин попросил брата Фролку зарыть саблю

на шихане, в самой глубокой расщелине, дал знак, чтоб несли его на струг...

Отплыли казаки вниз по Волге, но долго еще видели, как светилась сквозь камень атаманская сабля...

Говорят в народе, да и сам курган Молодецкий про то знает: отыскал на горе боевую разинскую саблю атаман Емельян Пугачев и пошел боярскую нечисть выводить на Руси.

КАМЕННЫЙ ДВОР

Предание

Я слышал от старых людей насчет одного места, что там жил Стенька Разин. Это место и теперь можно очень хорошо узнать: огромная гора, похожая на двор, имя ее и теперь — Каменный Двор, на середине ее бугор, на бугре дубовый лесок, а на самой середине, на вершине около бугра, три березы, под березами родник.

Наружная сторона той горы похожа на ворота. А вокруг нее как есть двор. По самой вершине горы — лесок, словно крыша, а низ ее словно каменная стена. Эту стену называют лицевой стороной Каменного Двора. В стороне от этого Двора расположены две высокие горы, а вид их, словно девичьи груди. Имя этих гор — Караульные горы. Когда жил Стенька Разин, то разбойники на этих горах подкарауливали проезжавших по дороге и будто оттуда сквозь землю была протянута цепь. Как только увидят проезжающих, они и дернут эту цепь, а к концу этой цепи был привязан колокол. Как услышат их товарищи тот колокол, они и выйдут на дорогу. А еще дальше к большой дороге есть овраг по имени Банный, будто они ходили туда париться...

ЗИМОВЬЕ АТАМАНА

Предание

Стенька Разин жил на Молодецком кургане. Там было у него зимовье, и с ним были его товарищи.

Когда посуды купеческие или царские проходили по Волге, Стенька высылал вперед дозорного това-

рища. Бурлаки шли по берегу и тянули стречь воды посуды.

Дозорный говорит тогда громким голосом:

— Стой, товарищи, ложись... Где хозяин? Давай его сюда!

Выходит хозяин и накладывает дозорному всяких продуктов: хлеба, мяса, пшена. Он забирает все это в лодку и едет на берег к Стеньке.

— Трогай! Вперед! — кричит дозорный. И бурлаки трогают посудину вперед.

А дозорный наложит полную лодку всякого добра и везет все это к Стеньке на Молодецкий курган.

ВОЛШЕБНЫЙ ПЛАТОЧЕК

Предание

На берегу Волги, в Жигулевских горах, что будет пониже села Старо-Отважного, бывал и Стенька Разин.

Он встречал на Волге суда купеческие, которые водили по воде бурлаки. Сидит, бывало, он на берегу и молчит, положив ноги одна на другую, поджидая купеческие суда.

Вот далеко-далеко показалось судно, которое все ближе подходит к шатру атамана.

Бурлаки нагнулись вперед, выбиваясь из всех сил, волоча лямкой через плечо судно вверх по воде, против течения. Только поравнялись бурлаки, как грозный атаман дает команду: «Лен!»

Услышав команду, бурлаки все до единого ложатся на землю, не смея ослушаться приказа грозного атамана.

Недолго думая, вынимает из кармана Степан Разин свой чудесный платочек, садится на него и едет на нем к купцу — хозяину судна. Забирает к себе грозный атаман подать и возвращается на платочке своим на прежнее место.

Бывало и так, что иногда по Волге проходило вниз судно купеческое. Но не задумывался долго и над этим делом грозный атаман. Стоило ему лишь повернуть ногой в нужную сторону, как судно начинает вертеться само собою и приближаться к берегу. Смело входит тогда Разин на судно, расправляется с купцом, а гребцов и бурлаков с судна приглашает к себе в гости отведать хлеба-соли.

ВЗОЙДИ, КРАСНО СОЛНЫШКО

Народная песня

Ах, туманы, вы мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска, ненавистные!
Не подняться вам, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, част-крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремнички, братцы, разбежались,
Во темном бы лесу собирались.
Во дубравушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становились,
На восход богу молились,
Красну солнышку поклонились:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубравушкой над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина,
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых.

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем».

Д. Н. Садовников

СВАДЬБА

Из-за острова на стрежень —
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с красой-княжной,
Свадьбу новую справляет...
И веселый, и хмельной.

А она, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял,
Ночку с бабой повозился —
Сам наутро бабой стал...»

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза;

Брови черные сошлись...
Собирается гроза...

«Эх, кормилица, родная,
Волга, матушка-река,
Не видала ты подарков
От донского казака!

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою —
На, кормилица, возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

«Что притихли, удалые?
Эй ты, Федька, черт, пляши!
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!»

ИЗ-ЗА ГОРНОЙ СТОРОНУШКИ

Народная песня

Из-за горной сторонушки
Протекала Вслга-матушка.
Как по этой Волге-матушке
Плыла лодочка изукрашена,
Молодцами изусажена.
На корме-то атаман с ружьем,
На носу-то есаул с копьем.
Посреди-то легкой лодочки
Тут лежала-то золотая казна.
Как на этой золотой казне

Тут сидела красна девица.
Она сидит, слезно плачет,
Слезно плачет, как река льется.
«Уж ты, братец-то мой, есаулишко,
Друг любезный, атаманушко,
Нехороший-то мне сон привиделся:
Из моей-то русой косы
Выпадала лента алая,
А на правой-то руке, на мизинчике,
Распаялось-то золото кольцо,
И выпадал дорогой камень.
Атаману быть застрелену,
Есаулу быть повешену,
А добрым молодцам
По тюрьмам сидеть,
А мне, девушке, жить на волюшке,
На родимой сторонушке».

ОТРУБЛЕННАЯ ГОЛОВА

Предание

Из Персии привез с собою на Волгу Разин много всякого добра: тканей золоченых и бархатных, сукон заморских, одежды всякой, оружия огнестрельного, и особенно он много привез злата-серебра.

Не хотел Степан Разин взять себе добычу — злато и серебро, а думал разделить между бедными людьми, своими товарищами.

Степан Разин громко говорил:

— Кому нужно золото? Кто будет золотом владеть?

Но все молчали, как вдруг сын Степана Разина, здесь стоящий, сказал:

— Мне нужно золото! Я хочу золотом владеть!

Не думал Разин услышать от своего сына такие дерзкие речи. Только покосился в его сторону Разин и, не долго думая, взял из ножен саблю и отрубил ею голову своему сыну за эти слова его.

— Вот тебе золото! Возьми его и ступай с ним на самое дно Волги-матушки.

И приказал Степан Разин лодку с золотом затопить и погрузить на самое дно, а туда на золото положить отрубленную голову своего сына.

ГОРЯТ, ГОРЯТ ПОЖАРЫ

Народная песня

Горят, горят пожары, они всю неделюшку,
Ничего в дикой степи не осталось.
Оставались в дикой степи горы крутые,
Как на этих на горах млад-ясен сокол,
Подпалены у сокола легки крылышки,
Подожжены у сокола резвы ноженьки,
Нападали на сокола грачи-вороны,
Грачи-вороны, карги загуменны.
Выпивали его оченьки ясные,
Выщипали его перышки сизые.
Говорит им сокол тихим голосом,
Льет слезу на крылья подпаленные:
«Вы напали черной тучей на беду мою,
Только знайте, карги загуменные,
Бедя может случиться у всякого».

СТЕНЬКИНА ТРУБКА

Предание

За Волгой на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто тое трубку покурит, станет заговоренный, и клады все ему дадутся и все; будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры.

Николай Жоголев

ТРУБКА РАЗИНА

Под Симбирском Разин
Тяжело был ранен.
И в рыбацкой лодке
Плыл по Волге вниз.
И тогда в туманной
Предрассветной рани
Перед ними справа
Горы поднялись,

Он взглянул устало,
Озирая местность,
Будто бы впервые
На нее глядит —
И на эти горы,
И на всю окрестность.
Голосом притихшим
Слабо говорит:

— Что это за место?
Где мы проплываем?
— Горы Жигулевские.
Вон гляди — курган.
И почуял Разин:
Силы убывают...
Поискал глазами —
Где-то был тут стан,

И сказал сурово:
— На берег правь лодки.
Да меня сведите
Тропкой на курган...
Поглядели люди —
Запершило в глотке...
— Ты бы не тревожил
Раны, атаман.

Он насупил брови,
Поглядел сердито.
Горькая усмешка
Стыла на губах...
И тогда братаны
Взяли деловито,
Вынесли Степана
Прямо на руках.

Вынесли на берег
Да на ту тропинку,
Что вела-виляла
На крутой курган.
Тяжело Степану...
Затушив тревогу,
Медленно он руку
Опустил в карман.

Вынимает трубку,
Трубку не простую:
Дорогой подарок —
Трубку золотую,
Что во всех походах,
В ратных всех делах
Неразлучным другом,
Спутницей была.

И сказал дружине:
— Вот что, други-братцы,
По всему похоже —
Мне несдобровать...
Трудно мне с подарком
Этим расставаться,
Но разлуки, видно,
С ним не миновать...

И еще сказал он,
Приподнявшись малость
На своих могучих,
Удалых руках,

Хоть ломила силу
Горькая усталость:
— Я хочу... здесь трубку
Схоронить в горах...

И зарыл эту трубку
Вблизи у дороги,
Где высоко, высоко
Поднялся курган.
Огляделся тревожно
Окрест, на отроги —
И простился навеки
С курганом Степан.

И с тяжелою думой,
Под взгляд тот прощальный,
Под весельные всплески
И птичий трезвон
Уплывал Стенька Разин
С дружиной печальной
От кормилицы Волги
На тихий свой Дон.

С той поры буреломной
В весенний погожий,
В непогожий осенний
Тоскливый денек,
Пробуждая бывшее,
Раздумья тревожа,
Над курганом клубится,
Синеет дымок...

СОКОЛ

Предание

На Волге, около Жигулевских ворот, находится наше село Царевщина.

Славными удалыми молодцами были наши прадеды. И когда к нам приходил Степан Разин, то в его отрядах, рассказывают старики, находилось много и наших сельчан.

Был один такой у нас молодец, удалой и лихой, которому сам Разин дал имя «Сокол».

Дни и ночи он проводил в боевых походах вместе с Разиным. С виду он красавцем был, на деле — огонь. Он был первым помощником Разина во всем, а силы его на добрый десяток мужиков хватило бы.

Вот с тех пор и пошла с него в нашем селе фамилия Соколовых. Праправнук его Сергей Алексеевич Соколов и ныне жив.

ПОТАЙНОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Легенда

Никто не знает, что хранится под Волгой и в горах Жигулевских. А ведь непременно что-то есть. Сколько добра у купчишек было отнято! Рассказывают, будто завладела этим добром Маринка — Гришки Отрепьева сожительница. Когда ее сослали в Ярославль, так она оттуда бежала в Астрахань, а потом укрылась на утесе Стеньки Разина.

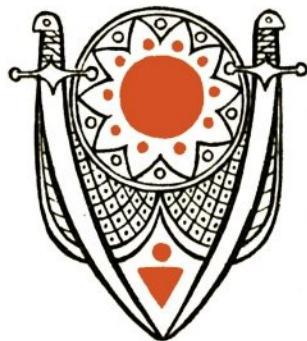
Волгари сильно невзлюбили Маринку. Однажды два бурлака ночью поднялись на утес, и тут в полночь сама перед ними раскрылась дверь в потайное подземелье. Один-то и говорит другому: «Что я ни стану делать, знай молчи, а то худо придется. Нам

бы только образ спасителя вынести, тогда и добро все наше будет...».

Спустились они в подземелье. Большая горница. Каменный гроб, поперек три железных обруча. Другом бочки с золотом, серебром, бриллиантами. А до Спаса далече. Перед ним лампада теплится. И образ весь в золоте и бриллиантах. Перекрестились бурлаки. Тут заводила-то поднял кувалду да как трахнет по обручам. Отлетели обручи. Содрогнулся, подпрыгнул каменный гроб. Поднялась крышка, и тут встала перед ними Маринка, баба красоты неописанной. «Что вам надо, ребяташки? — ласково заговорила. — Деньги, каменья, самоцветы? Берите, братцы, сколько душе угодно».

Ничего не ответил старшой, сгреб железные прутья и давай ими хлестать раскрасавицу. Обливается она кровью, молит о пощаде, а он знай хлещет. Ну, тут второй-то и не выдержал: «Полно, брат, что с тобой? С ума ты, что ли, сошел? Она же и так все отдает...»

И только он это сказал — завыл ветер, сверкнул огонь, засмеялась радостно Маринка, и нечистая сила выбросила бурлаков на вершину утеса. Очухались они, ползают, ищут дверь в подземелье, а уже все пропало. Три года со страху не говорили. А пришли в разум, пробормотали: «Вот она, жалость-то, как нас губит!».

ПЕЩЕРА

Легенда

Давно уже это было, лет сорок назад. Есть у нас на селе столетний старик, Лапоть прозывается. Промышлял он больше охотой и пошел в лес за дичью да и заблудился. Никогда с ним допрежь такой беды не случалось идет туда, идет сюда, а лесу и конца-краю нет. Три дня бродит; харчи все вышли, да и

пороху не стало; сутки уже без хлеба, а дороги все не найдет. На четвертый день к ночи видит он: стоит гора, а в горе пещера с широкими воротами. Возле ворот большой камень. Упал старик на этот камень и заснул — шибко, значит, умаячись был. Много ли, мало ли спал, только проснулся он к ночи, протер глаза, осмотрелся и пошел в пещеру — нет ли тут какой ни на есть живой души. Только видит: лежат бочки, много их стоит везде, куда ни глянешь.

Проходил он промеж них, покликал, нет никого. Подошел он к одной бочке, открыл и обмер: бочка полна золота. Он к другой, третьей — везде золото. Только отошел от него маленько страх-то, он думает: «Наберу я себе этого золота и пойду».

Стал он, этта, набирать себе золота и в картуз, и в карманы, и в полы, только вдруг кто-то хватил его за плечи. «Стой, — говорит, — старина. Зачем мое золото берешь?» Лапоть содрогнулся, сотворил трижды крестное знамение, глядит: стоит перед ним седой-преседой старик, борода по пояс белая, стоит и креста не боится. «Не пугайся, — говорит, — меня, не трону: я Стенька Разин. Берегу, брат, я это золото про православных христиан и разделю им его, когда наступит время. Возьми себе сколько нужно, а остальное поклади опять в бочку: будет на твой век и малого». Покладал Лапоть в бочку золото, оставил себе всего две пригоршни, поклонился старику в ноги и пошел. «Укажи, — говорит, — дорогу, куда мне идти». — «Иди, — говорит Стенька, — вот в эту сторону, а дорогу сам найди: указывать не буду. Как придешь домой, расскажи, что видел и слышал... Хотели меня бояре московские казнить, да не пришлось им. С той поры живу я здесь, проклятый православной церковью».

Два дня шел Лапоть лесом, вышел наконец в поле, а там и до дому недалеко. С той поры живет он себе с достатком. Много было охотников добраться до пещеры; много их ходило, много их искало, только никто не нашел.

Николай Степной

МИРНЫЙ ГОРОД

Между гор еще темной полосой гляделась река. Но на востоке уже было видно, как, брызжа, стремились из-за горизонта лучи... Стремилась желто-багряные, зеленые, буро-красные.

Вот по отблеску от не взошедшего еще солнца выплыло темное облачко. Оно как будто хотело не допустить его, помешать восхождению, да тихонько растаяло. Стая уток, чертя в воздухе крыльями, пролетала над предрассветным лучом.

Тянулся с запада еле заметный влажный ветерок.

Сидим мы вдвоем: он, рыбак, много лет, почти всю жизнь проводивший на Волге, и я, вечный бродяга, пристраивающийся, где и как попало.

Мне времени девать все равно некуда, и я, закидывая удочку, спрашиваю:

— Что, не клюет?

— Нет, трудно теперь ловить, рыба на разведку не ходит...

— На какую такую разведку?

— Видишь вон это?—показал он на острова, что были перед нами и сбивали течение.

— Вижу.

— Ты думаешь, что это такое?

— Острова, — ответил я.

— Нет, это не острова. Это крыши Мирного города.

Он как-то прищурил один глаз, посмотрел на меня снисходительно, иронически, как бы говоря: «Сидишь на Волге, а самого главного не знаешь»...

— Видел холм-остров под Сызранью?.. Его еще пароходы обходят.

— Видел.

— Ну, так это и есть самый главный дворец княжны Волги, Стенькиной жены. А тут вот, здесь, что перед нами острова, — это ее Мирный город, здесь

ее и склады, и разные помещения. А в них, складах, чего-чего она, княжна, не положила...

Тут и кубки, и золото, и все те драгоценности, что Стенька бросал ей в подарок... И все, что попадало вместе с утонувшими пароходами, баржами на Волге,— все собрала сюда... Княжна бережет накопленное в своем дворце, охраняет. И из дворца никогда не выходит...

Входить к ней имела право всего только одна щука-нянька, что встретила княжну с первого дня.

Были у княжны разведчики, что выползали и слушали, что на белом свете и в городах земли творится...

Бывал ты у Молодецкого, видел утесы-камни? Так это вот, когда Стеньку и его товарищей прикованных проклинали, товарищи в камни превратились, а Стенька не захотел, так и остался один на мучения жить...

Вот нынче воскресенье, а по воскресеньям, по утрам, когда кляли по церквям Стеньку и вместе со звоном это проклятие разносилось по Волге, стонала княжна, стонала и плакала, а плакала потому, что слышала, как Стенька, прикованный цепями, терзался, мучился и, мучаясь, клял, клял своих врагов.

И в такое время утра уже ни одна рыба не выходила... Они жалели, берегли княжну, и все спешили к ней, охранять ее... Так-то вот...

Но времена изменчивы... Однажды в воскресенье вот такой же осенью вдруг не услышали рыбы обычного стоны своей княжны.

Что за причины? Догадались: слушают, а наверху звона нет, не слышно проклятий Степана...

Вышла старая щука-нянька... И приказала простой рыбе, чехони, пойти на разведку, узнать, почему наверху звона нет... Чехонь, бестолковая, отправилась гурьбой...

Видел ты эту чехонь, она всегда почти вдоль берега сверху шляется, все хочет узнать, проведать.

Эта чехонь сейчас так же бестолкова, как и тогда. Не сумела разузнать она, как следует толком.

Принесла только одно — в городах земли не совсем ладно: толпятся люди, толпятся и все что-то кричат. И за ней, за чехонью, по берегам никто не гнался, не охотился. И никто ни одного крючка не выставил, не только что сетей...

Тогда отправилась щука-нянька и донесла об этом княжне. И вышел приказ от княжны:

«Послать кого поумнее на разведку и узнать, почему нет звона, не слышно терзаний Стенькиных, почему нет народа на берегу, почему толпится он в городах земли?»

Умной красной рыбе — севрюге и осетрам — нельзя было выходить. Она выходила только или в бурю, в мутную воду, или ночью, потому что днем за ней были очень охочи, гонялись за ней чиновники да купцы лихие, что гуляли до свету и на закуску требовать ее любили. Но княжна решила на этот раз послать и днем умную красную рыбу.

Вышла красная рыба, и... нет ни звону, ни стону, никто не ловит рыбу, за ней не охотится. Свободно пошла на разведку, гуляет поверху...

А внизу гости-утопленники прибывать стали. Нянька-щука распоряжается, принимает гостей, угощает и провожает дальше, к морю, где простор и свобода, а сама приговаривает: у нас-де у самих негде, тесно — складов сколько, богатств... А там свободно — гуляй, сколько хочешь.

Умная красная рыба разгуливает себе да разгуливает. Надивоваться не может, что не трогает ее никто, не ловит...

Слушала, слушала красная рыба, все выслушала, все поняла... Поняла и... воротилась. А княжна сама на этот раз вышла навстречу ей.

«Ну, что делается там, наверху, в городах земли, почему людно так и тревога такая повсюду?»

«А потому, — отвечает красная рыба, — что в городах земли, наверху, камни—Стенькины товарищи—ожили и пошли полками расковырять цепи Степановы. И тебе, княжна, от них приказ: собираться и идти на встречу Степана Тимофеевича».

Как услышала княжна, велела подать наряд шелковый, который Стенька ей подарил, в Волгу бросая. Собралась, нарядилась и ушла в города земли, а за ней пошли и щука-нянька и умная рыба красная... Только осталась одна чехонь хранить, беречь ревниво крыши Мирного города, что стоит по-старому, стоит и ждет, когда богатства города Стеньке понадобятся.

Тут — и золото, и камни самоцветные, и баржи, и пароходы, да мало ли чего нет в скрытых под песчаной крышей островов зыбучих, наносных...

Рыбак встал, борода его осветилась отблеском наступающего утра. Странные отблески... Синее-синее, желто-черное большое пространство, что поднялось до полнеба, вдруг вспыхнуло ярким заревом солнечного восхода.

Река, перед тем синяя-синяя, как и небо, — только небо спокойно-гладкое, а река рябит голубой серединой, — вдруг становится алой...

И опять, и опять, каждую минуту новые тона...

А само солнце, как малый ребенок, показалось только краешком...

Вон в середине краешка кто-то движется...

Черепаша оранжевая?..

Но нет — то уже не черепаха, то тройка коней взмахивает копытами... Миг — и то уже не кони, а паровоз, что тащит за собой целый состав вагонов причудливых, сказочных.

Поднимающийся краешек солнца проглатывается набежавшей тучей. Как-то вдруг становится скучно, тоскливо... Ну, будто и не я был несколько минут тому назад, будто не я сам своими глазами видел восход, что только что закончился...

И река пасмурная уже темным переливается серебром, только крыши песчаного города Мирного продолжают кой-где поблескивать красным отсветом утренних лучей...

А. Алтаев

АЛЫЙ КУРГАН

Там, где серый ковыль
На просторе степном
Шепчет тайну заветную нежно,
Где под рдяным ковром
Алых маков степных
Дышит вольная степь безмятежно,—

Там, далеко в степи,
Есть высокий курган,
И лишь только ночь землю покроет,
Колыхнется туман,
И под броней из трав
Степь зеленая сумрачно стонет:

«Здесь, в моей глубине,
Под зеленым ковром,
Под могучим навесом кургана,
Под замком и на дне,
Скрыт волшебный ларец;
В нем могучее сердце Степана.

Как казнен был в Москве
Славный наш атаман,
Стенька Разин, сын Волги и Дона,
Задыхаясь от ран,
Друг его боевой
Схоронил это сердце без стона.

Над курганом степным
Дал он страшный зарок:
По весне, как земля пробудится,
Каждый год в этот срок
Над курганом степным
Стенки алая кровь просочится.

И оденет ковром
Алых маков степных
Усыпальницу сердца Степана,
И зашепчет ковыль
О словах дорогих,

О словах дорогих атамана:
«Эй ты, голь, выходи,
Выходи ты на бой,
Капли крови на старом кургане
Будут светлой звездой, будут стягом святым
И заветом последним Степана».

А. А. Навроцкий

УТЕС СТЕНЫКИ РАЗИНА

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
От вершины до самого края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.
Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.
И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинаят,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.
Раз ночью порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался.
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал.
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал.
И задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути —
И идти на Москву он решился.
Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рукой
Не помог он народному горю.
Не владыкою он был в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
Он сложил свои буйные кости.
И Степан будто знал — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.
И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое жите атамана.
Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,—
Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет.

ДУЕТ ВЕТЕР ВЕРХОВОЙ

Бурлацкая песня

Ой, ой, о-ё-ёй,
Дует ветер верховой,
Мы идем босы, голодны,
Камнем ноги порваны.
Ты подай, Микола, помочи,
Доведи, Микола, до ночи.
Эй, ухнем, да ой, ухнем!
Шагай крепче, друже.
Ложись в лямку ту же.
Ой, ой, о-ё-ёй.

ДУБИНУШКА

По кремнистому берегу Волги-реки,
Надрываясь, идут бурлаки.
Тяжело им, на каждом шагу устают
И «Дубинушку» тихо поют.
Хоть бы дождь оросил, хоть бы выпала тень
В этот жаркий безоблачный день!
Все бы легче народу неволю терпеть,
Все бы легче «Дубинушку» петь.

«Ой, дубинушка, ухнем!» И ухают враз...
Покатались слезы из глаз.
Истомилась грудь. Лямка режет плечо...
Надо «ухать» еще и еще!
...От Самары до Рыбинска песня одна;
Не на радость она создана:
В ней звучит и тоска — похоронный напев,
И бессильный страдальческий гнев.

Это — праведный гнев на злодейку-судьбу,
Что вступила с народом в борьбу
И велела ему под ярмом, за гроши,
Добывать для других барыши...

«Ну, живее!» — хозяин на барке кричит
И костями на счетах стучит...
...Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русских костей
По кремнистому берегу Волги-реки,
Нагружая твои сундуки!

КАК БУРЛАК СТАЛ ПОПОМ

Чувашская сказка

Жил бурлак на Волге — отрастил волосья долги. У чуваш не было попа, вот они и пригласили его. Согласился бурлак быть попом. Приходит воскресенье, поп идет в церкву. Народу собралось много, он и говорит:

— Чуваши, вы знаете эту книгу?

— Нет!

— Аминь, значит, обедня отошла!

Приходит снова воскресенье. Поп говорит:

— Знаете эту книгу?

— Знаем не знаем, а читать читали!

— А я после почитаю, а обедня отошла.

Чуваши пожаловались владыке — разве так служат?

Приезжает владыка. Бурлак начинает служить:

— Жил бурлак на Волге, отрастил волосья долги. Провозгласили его в священники. Он посулил владыке денег.

— Что же, хорошо служит, — сказал владыка и уехал.

На третье воскресенье поп начал обедню так:

— Дьякон, дьякон, запри все двери — служить будем четыре недели.

Напугались чуваш и давай понемногу выходить.

— Нет, батюшка, служи лучше, как прежде служил, а четыре недели не надо.

ПАШЕМ, ПАШЕМ МЫ В ГЛУХУЮ НОЧЬ

Народная песня

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито.
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися.
Во солдатушках послужено,
Во острогах вить посижено,
Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы богу молимся;
Божья церковь—небо ясное,
Образа вить — звезды частые,
А попами — волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес — то наши вотчины,
Тракт проезжий — наша пашенка.
Пашем, пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши,
Не цепом молотим — слегою
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим.
Свистнет слегушка — кафтан сошьет,
А вдругорядь — сапоги возьмет,
Свистнет в-третьи — шапка с поясом,

А еще раз — золота казна.
С золотой казной мы вольные:
Куда глянешь — наша вотчина,
От Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкого раздольица,
Там нам смерти нет, ребяташки.

ТРИЖДЫ ПОВЕШЕННЫЙ

Предание

Фома дворовой был пугачевец, и его решили повесить. Поставили рели, вздернули Фому, только веревка под ним оборвалась... Упал Фома с релей, а барин подошел и спрашивает:

— Что, Фома, горька смерть?

— Ох, горька! — говорит.

Все думали, что барин Фому помилует, потому что, видимо, божья воля была на то, чтобы крепкая веревка да вдруг оборвалась. Нет, не помиловал, велел другую навязать. Опять повесили, и на этот раз Фома сорвался. Барин подошел к нему, опять спрашивает:

— Что, Фома, горька смерть?

— Ох, горька, — чуть слышно прохрипел Фома.

— Вздернуть его в третий раз! — повелел барин. Нет ему милости!

И так, счетом, повесили барского человека три раза.

ЦАРСКАЯ БУМАГА

Предание

Было это в Мордовской Борковке. Погорел один старичок. И в сундучке, что с пожитками выкинули, нашлась бумага. А в ней было написано, что зем-

ля эта жертвовалась Екатериной II крестьянам Русской и Мордовской Борзовки.

Ну и стали крестьяне хлопотать за эту землю. А в 1898 году видят, что все это бесполезно, и вздумали самовольно распахать.

Пришли к исправнику в Ставрополь за советом.

Посоветовал им исправник подать заявление. Они и сделали. Им разрешили пахать. В триста сох выехали на поле. Поставили три стола на поле и поставили белые столешники, как по обычаю. Было об этом объявлено во всех окольных селах. И все встали вокруг столов и ждали управляющего, без него начинать не решились.

Приехало начальство: исправник, следовательно, земский начальник, стражники, урядники. Управляющий подошел к столу.

А Башаев стоит у стола, документы у него висят в кожаном мешочке.

— Что вы хотите, мужики, от графа? — спросил управляющий.

— Мы хотим, чтоб граф достал нам крепи, по которым пользоваться землей, — за всех ответил Башаев.

— У графа земля была взята на аренду, на сорок лет, а теперь перешла в собственность. Вот и все крепи, — выпалил управляющий.

— Мы будем судиться, — продолжает Башаев.

— Граф сказал — судиться нельзя, — говорит управляющий. — Золотом Волгу запружу.

Неожиданно для всех Башаев встает на стол, вынимает документы и показывает их народу. А народу — видимо-невидимо, как море.

— Окольные люди, как вы рассудите? — обращаясь к народу, говорит Башаев. — Ведь земля наша, а пользуется граф. Вот у нас бумаги, в которых говорится об этом. Как вы рассудите? Наша ли земля? Пахать ли нам?

И весь народ гаркнул, даже земля задрожала:

— Наша земля, пашите!

Башаев спрыгнул со стола со словами:

— Братцы, за сохи!

И все взялись за сохи. Вперед встал семидесяти-летний старик.

И поехали они сохами по девять кругов в длину.

Наутро пригнали батальон солдат из Самары и приехал губернатор. Крестьяне встретили губернатора хлебом и солью. А старшина губернатору стал делать ложный донос:

— Крестьяне подняли бунт, убили семь лошадей, семь людей и в конторе стекла выбили.

Губернатор ударил по столу и закричал:

— Я вас на-накажу-у своей властью за то, что вы оскорбили его величество графа Орлова-Давыдова.

И началась расправа.

Схватили семьдесят человек. Привезли три воза березовых прутьев. Назначили из стражи двух палачей. Вырезали на земле крест. Раздевали наголо. В три барабана били, а крик не заглушало...

БУЛАТ ПУГАЧЕВА

Предание

Разбили царские воеводы войско Пугачева, а самого Емельяна Ивановича в полон взяли. Все же успел он булат свой заветный передать верным людям, друзьям своим. Наказал им день и ночь скакать в Жигулевские горы. И там, в потайной пещере, надежно припрятать булат.

На нем были высечены слова такие: «Кто булат изоймет, тот и правду найдет». Правда-то была господами богатеями закована десятипудовыми цепями. От народа ее прятали за семью замками. Потому что в правде — сила великая. Кто ею владеет, тот и счастье имеет.

А булат Пугачева — волшебный. Только им и можно было разбить цепи и вызволить правду.

Вот и принялись честные да смелые искать заветный булат. А дороги к нему никто не знал. И где он припрятан, тоже знать не знали. Так как люди те, что по приказу Пугачева возили булат в Жигулевские горы, перемерли. Долго его искали — и в горах Жигулевских, и в горах Уральских, и в горах Кавказских.

А потом все-таки узнали, что кован булат на Урале, в Усть-Катаве. Ковали его и закаляли работные люди, те самые, что первыми признали Пугачева.

Вот и поехали к ним, чтоб спросить, где припрятан заветный булат. А они отвечают: «Не от отцов, а от дедов слышали про булат Пугачева. Знаем, как ковали, как письма на нем писали. А вот где он теперь, про то ничего не знаем и не ведаем...»

Раз так, то порешили тогда всем народом сковать новый булат. И сковали. Всем был похож он на прежний. Из той же златоустовской стали, те же слова на нем высечены. И та же в нем сила волшебная. С этим-то булатом и поднялся народ за правду.

А тот, что захоронен в горах Жигулевских, так и лежит в потайном месте.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

С. Е. Кузменко. «Самоцветное слово». Автор — куйбышевский писатель, составитель настоящего сборника.

«Каменный Молодец». Автор — В. С. Балашов, тольяттинский писатель. Много пишет по мотивам преданий и легенд о Жигулях. В книге опубликовано также его произведение «Утес Шелудяк».

«Сокол и Жигуль». Легенда записана Н. А. Степным (1878—1947). С целью изучения народного творчества он не раз совершал путешествия по «Жигулевской кругосветке», бывал во многих волжских селах. Собранные им предания и легенды вошли в 1-й том десяти томного Собрания сочинений писателя (М., 1927). Оттуда же перепечатано и другое его произведение — «Мирный город».

«Могила хана». Предание записано со слов старожилов-волжан голландским путешественником Я. Я. Стрейсом, побывавшим в Жигулях в 1669 году. Текст предания взят из книги Я. Я. Стрейса «Три путешествия» (М., Соцэкгиз, 1935).

А. А. Коринфский (1868—1937). «На месте царского шатра». Поэт родился в Симбирске. Им написано много стихов и поэм по мотивам волжского фольклора. Публикуемая легенда взята из книги А. А. Коринфского «Бывальщины. Картины Поволжья» (СПб, 1900). Из этой же книги взяты и другие легенды: «Русалочья заводь» и «Полонянкина коса».

«По горсти». Предание записано в Жигулях журналисткой А. П. Валуевой (Мунт) и напечатано в ее книге «По великой русской реке. Очерки и картины Поволжья» (СПб, 1895). Оттуда же взято и предание «Завет Бориславы».

«Убежище Разина». Предание записал русский путешественник и натуралист И. И. Лепехин (1740—1802). Опубликовано оно в «Записках путешествия академика Лепехина» (СПб, 1821).

«На горе Лепешка». Предание записано куйбышевским краеведом и литератором М. А. Емельяновым, написавшим несколько путеводителей по Жигулям. Предание взято из книги «Степан Разин на Волге» (Куйбышев, 1939).

А. В. Ширяевец (Абрамов) (1887—1924). «Клад». Поэт родился на Волге, в Жигулях, в селе Ширяево. Избрал себе псевдоним по названию родного села. В стихотворении «Ширяево» он пишет:

В междугорье залегло
В Жигулях мое село.
Рядом Волга... плещет, льнет,
Про бывалое поет.
Супротив Царев курган —
Память сделал царь Иван...

Многие стихотворения Александра Ширяевца написаны по мотивам жигулевских легенд и преданий. В настоящем сборнике помещены и другие произведения поэта: «Мечь», «Песня про Стеньку Разина», «Клич», «Утес Разина».

Евгений Шаповалов. «Иван да Груня». Автор — куйбышевский литератор. Сказ «Иван да Груня» записал со слов А. Ф. Дерюгиной в селе Березовка. В книге напечатан также сказ Е. Шаповалова «Манчиха», написанный по мотивам рассказа старого волгара Н. С. Бахмутова.

Д. Н. Садовников (1847—1883). «Полонянка». Автор — волжский поэт, родился в Симбирске. С большим усердием изучал устное народное творчество на Волге, в Жигулях. В своих песнях и поэмах поэт воспекает героизм и свободолюбие русского народа, красоту родной природы. Легенда «Полонянка» взята из книги Д. Н. Садовникова «На старой Волге» (Симбирск, 1966). Из этой же книги перепечатаны и его «Усолка» и «Свадьба».

Борис Сиротин. «Каменная Чаша». Автор — куйбышевский поэт. Поэма «Каменная Чаша» написана им по мотивам предания, рассказанного ему в селе Ширяево, неподалеку от которого находится родник. В народе прозвали его Каменной Чашей.

Евгений Лазарев. «Жадный барин». Автор — куйбышевский писатель — написал это произведение по мотивам широко известного в Жигулях предания. В пластах Царева кургана, как и в пластах других гор Жигулевской гряды, встречаются остатки древних морских моллюсков. Иные из них по своим размерам и форме напоминают зерна ржи. Иногда их принимают за янтарь, иногда за рожь, выращенную в древние века. Ходила в народе и такая молва, будто это окаменевшая рожь. И окаменела она потому, что богачи хранили ее в своих амбарах в то время, когда народ кругом голодал.

Анатолий Ламберов. «Петров камень». Предание, которое использовал автор, куйбышевский писатель, имеет вполне реальную почву. Д. Н. Садовников в своем очерке «Жигули и Усолка на Волге», напечатанном в журнале «Беседа» за 1872 год, свидетельствует, что сам видел надпись, высеченную на скале Петром I. Вот что об этом же пишет И. Е. Репин в своей книге «Далекое близкое»: «Мы узнали, что на ближайшей скале над Волгой Петр Великий собственноручно высек на камне свое имя.

Мы сейчас же туда... Действительно, надпись была, хотя местами песчаник от времени и непогоды сильно выветрился, так что разобрать надпись можно было не без труда».

«Утесы над Волгой». Легенду записал журналист из г. Чапаевска В. И. Попов со слов старого волжского матроса П. И. Бушуева. Впервые она была напечатана в книге «Легенды и были Жигулей» (Куйбышев, 1979, второе издание).

Артем Веселый (Н. И. Кочуров) (1899—1939). «Забавы». Автор — известный советский писатель, жил и работал на Волге. Он проявил огромный интерес к легендарному прошлому края, к устному народному творчеству. Часто Артем Веселый прибегал к преданиям и легендам, искусно вплетая их в художественную ткань своих произведений. Легенда «Забавы» взята из его романа «Гуляй, Волга!» (М., Советский писатель, 1937).

Н. Д. Телешов. «Живой камень». Автор — известный русский писатель — хорошо знал народную жизнь и устное творчество народа. Марийская легенда о живом камне напечатана во 2-м томе Избранных сочинений писателя «Рассказы, повести, легенды и сказки» (М., Гослитиздат, 1956).

«Далеко, далеко степь за Волгу ушла». Народная песня. Перепечатана из сборника «Русские песни» (Л., Музгиз, 1958).

«Вниз по матушке по Волге». Народная песня. Взята из сборника «Лирические народные песни» (Л., Советский писатель», 1955).

«Уж вы, горы, горы Жигулевские». Из сборника «Русские народные песни Поволжья» (М.—Л., Издательство АН СССР, 1959).

Юрий Помозов. «Ермак и Епишка». Автор — ленинградский писатель — много времени и труда посвятил изучению жизни народа на Волге, устному народному творчеству. В сборнике помещено и другое произведение автора — «Сабля Степана Разина». Оба эти произведения впервые напечатаны в журнале «Волга» (1969, № 10).

А. С. Пушкин. «Песни о Стеньке Разине». Великий русский поэт проявлял огромный интерес к народной поэзии, в частности, к преданиям о Степане Разине. Сосланный в 1824 году в Михайловское, он с увлечением слушает песни и сказания о мятежном атамане. Скоро Пушкин пишет письмо брату, в котором так рисует свою жизнь в деревне: «Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания! Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма. Ах, боже мой, чуть не забыл. Вот тебе задача: историческое сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории...»

Из ссылки Пушкин возвращается с готовыми к печати песнями о Стеньке Разине. Летом 1827 года он пытается поместить «Песни о Стеньке Разине» в «Северных цветах» и посылает их вместе с другими рукописями Плетневу для представления через

гр. Бенкендорфа на высочайшую цензуру. Вот что написал по этому поводу Бенкендорф: «Песни о Стеньке Разине при всем своем поэтическом достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева». По этому поводу Пушкин пишет на имя Погодина: «Стансы к царю им позволены; песни о Стеньке не пропущены».

А. В. Кольцов (1809—1842). «Стенька Разин». Автор — прославленный русский поэт. Большинство своих стихотворений, высоко оцененных Пушкиным, Белинским, Добролюбовым, он посвятил жизни, быту и труду родного народа.

А. П. Чапыгин. «Придет то времечко». Автор — известный советский писатель. Отрывок взят из его романа «Разин Степан» (М., Советский писатель, 1961).

«Каменный двор». Предание записано академиком А. А. Шахматовым в Саратовской губернии. Взято из книги «Песни и сказания о Разине и Пугачеве». (М.—Л., изд-во Академия, 1935).

«Зимовье атамана». Предание записано М. А. Емельяновым в селе Жигули со слов крестьянина С. К. Панчихина. Взято из книги «Волжский фольклор» (М., Советский писатель, 1937).

«Волшебный платочек». Предание записано в волжском селе Аскулы со слов охотника П. И. Соскова. Взято из книги «Степан Разин на Волге» (Куйбышев, 1939).

«Взойди, красно солнышко». Песня впервые напечатана в Приложениях к 7-му выпуску «Песня» П. В. Киреевского с пометкой: «Неизвестно, где записано».

«Из-за горной стороншки». Песня записана М. А. Емельяновым в жигулевском селе Мордово со слов крестьянина В. Д. Ерузаева. Перепечатана из книги «Волжский фольклор» (М., Советский писатель, 1937).

«Отрубленная голова». Предание записано со слов волжского шкипера А. Серегина. Перепечатано из книги «Степан Разин на Волге» (Куйбышев, 1959).

«Горят, горят пожары». Народная песня. Записана в селе Вилловатое Куйбышевской области. Взята из книги «Волжский фольклор» (М., Советский писатель, 1937).

«Стенькина трубка». Предание записано Д. Н. Садовниковым в Симбирске. Взято из книги «Песни и сказания о Разине и Пугачеве» (М.—Л., изд-во Академия, 1935).

Николай Жоголев. «Трубка Разина». Автор — куйбышевский поэт — написал свою поэму по мотивам широко распространенного в Жигулях предания о вечно дымящейся в горах трубке Разина.

«Сокол». Предание записано М. А. Емельяновым в селе Большая Царевщина со слов крестьянина А. И. Князева. Взято из книги «Степан Разин на Волге» (Куйбышев, 1939).

«Потайное подземелье». Легенда записана московским писателем П. И. Мельниковым. Опубликована в его книге «Богатыри с горы Могутовой». (М., Профиздат, 1963).

«Пещера». Легенда записана со слов старых волжан. Впервые напечатана в «Саратовском справочном листке» за 1878 год.

А. А. Алтаев (М. В. Ямщикова) (1872—1959). «Алый курган». Автор много и усердно занималась изучением волжской вольницы. Ал. Алтаеву принадлежит книга «Стенькина вольница». Легенда «Алый курган» взята из книги «Степан Разин на Волге» (Куйбышев, 1939).

А. А. Навроцкий (1839—1914). «Утес Стеньки Разина». Автор — русский писатель — проявлял большой интерес к волжскому фольклору. Это стихотворение Александра Навроцкого, положенное им самим на музыку, стало широко известной в народе песней.

«Дует ветер верховой». Эту бурлацкую песню записал А. М. Горький. Взята она из 9-й книги альманаха «Литературный Саратов» за 1948 год.

«Дубинушка». Записал и обработал песню русский поэт Л. Н. Трефолов. Песня пользовалась большой популярностью в трудовом народе. Перепечатана из книги «Легенды и были Жигулей» (Куйбышев, 1970).

«Как бурлак стал попом». Эту чувашскую сказку записал собиратель народных преданий В. М. Сидельников в селе Помряськино М.-Кандалинского района. Перепечатана из сборника «Волжский фольклор» (М., Советский писатель, 1937).

«Пашем, пашем мы в глухую ночь». Эту народную песню Н. Л. Бродский обнаружил в «судном деле» о побегах крепостных Поволжья в середине XIX века и напечатал в своей книге «Крепостное право в народной поэзии» (М., 1911).

«Трижды повешенный». Предание записал Д. Н. Садовников. Впервые оно было опубликовано в журнале «Русская старина» за 1876 год. Взято из книги «Певец Волги» (Куйбышев, 1940).

«Царская бумага». Предание записал В. М. Сидельников в селе Русская Борковка со слов крестьянина М. И. Палагина. По мотивам этого предания писатель Скиталец написал известный рассказ «Полевой суд». Перепечатано из книги «Волжский фольклор» (М., Советский писатель, 1937).

«Булат Пугачева». Легенду о булате Пугачева записал куйбышевский литератор Михаил Старостин в волжском селе Шиловка. Впервые она была напечатана в первом издании настоящего сборника.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Кузменко. Самоцветное слово	5
--	---

ЗАВЕТНЫЕ МЕСТА

Каменный Молодец. Легенда	13
Сокол и Жигуль. Легенда	14

ЦАРЕВ КУРГАН

Могила хана. Предание	16
А. Коринфский. На месте царского шатра	16
По горсти. Предание	19
Убежище Разина. Предание	19
На горе Лепешка. Легенда	19
А. Ширяевец. Клад	20

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН И ДЕВЬЯ ГОРА

Е. Шаповалов. Иван да Груня. Сказ	21
Д. Садовников. Полонянка	27
А. Ширяевец. Местъ	30
Б. Сиротин. Каменная Чаша	31
В. Балашов. Утес Шелудяк. Предание	35
Е. Лазарев. Жадный барин. Предание	36
А. Ламберов. Петров камень. Предание	38
А. Коринфский. Русалочья заводъ	41

ЗА ЗЕМЛЮ РОДНУЮ

Утесы над Волгой. Легенда	47
А. Коринфский. Полонянкина коса	48
А. Веселый. Забава	53
Д. Садовников. Усолка	56
Н. Телешов. Живой камень. Легенда	62

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Далеко, далеко степь за Волгу ушла	69
Завет Бориславы. Предание	70
Вниз по матушке по Волге	71
Уж вы, горы, горы Жигулевские	72

Е. Шаповалов. Манчиха. Сказ	73
Ю. Помозов. Ермак и Епишка. Сказ	88

СТЕПАН РАЗИН

А. Пушкин. Песни о Стеньке Разине	100
А. Кольцов. Стенька Разин	102
А. Чапыгин. Придет то времечко	104
А. Ширяевец. Песня про Стеньку Разина	106
А. Ширяевец. Клич	107
А. Ширяевец. Утес Разина	109
Ю. Помозов. Сабля Степана Разина	110
Каменный двор. Предание	121
Зимовье атамана. Предание	121
Волшебный платочек. Предание	122
Взойди, красно солнышко. Народная песня	123
Д. Садовников. Свадьба	124
Из-за горной сторонушки. Народная песня	124
Отрубленная голова. Предание	127
Горят, горят пожары. Народная песня	127
Стенькина трубка. Предание	127
Н. Жоголев. Трубка Разина	128
Сокол. Предание	131
Потайное подземелье. Легенда	131
Пещера. Легенда	132
Н. Степной. Мирный город	134
А. Алтаев. Алый курган	138
А. Навроцкий. Утес Стеньки Разина	139
Дует ветер верховой. Бурлацкая песня	141
Дубинушка	141
Как бурлак стал попом. Чувашская сказка	142
Пашем, пашем мы в глухую ночь. Народная песня	143
Трижды повешенный. Предание	144
Царская бумага. Предание	144
Булат Пугачева. Предание	146
Коротко об авторах и произведениях	148

ИБ № 515

ЖЕМЧУЖИНЫ ЖИГУЛЕЙ

Легенды, сказы, предания

Составитель Степан Егорович Кузменко

Редактор В. А. Столяров

Художник И. В. Дубровин

Художественный редактор

Е. В. Альбокринов

Технический редактор З. К. Яшина

Корректор Э. И. Щербакова

Сдано в набор 28.05.81. Подписано в печать

22.09.81. ЕО 04490. Формат 60×70¹/₁₂

Бумага № 2 офсетная. Гарнитура

«Балтика». Печать офсетная. Усл. п. л.

10, 14. Уч.-изд. л. 7,48. Тираж 100 000 экз.

Цена 90 к. Заказ 3253.

Куйбышевское книжное издательство, г. Куйбышев,
ул. Спортивная, 5/27.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства
«Волжская коммуна», г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.

Жемчужины Жигулей./Составитель
Кузменко С. Е. — Куйбышев: Кн. изд-
во, 1982. — 156 с., с илл.

В книгу входят предания, легенды, сказы, повест-
вующие о красоте родных Жигулей, о борьбе народа
против угнетателей, о вождях народных восстаний —
Степане Разине и Емельяне Пугачеве. Публикуются
также произведения русских и советских писателей,
написанные по мотивам волжского фольклора.

7 0302—010
Ж М148(03)-82—82

© Куйбышевское книжное издательство, 1982

обработка PDF

